

Евгений Гонтмахер

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ:
ОЧЕРКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Школа
гражданского просвещения
2017

ББК 66.3(2Рос)

Г 65

Дизайн обложки *Анны Хохловой*

Книга издана при поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)».

Евгений Гонтмахер

Г 65 Современная Россия: очерки социальной жизни. М.: Школа гражданского просвещения, 2017. — 120 с.

Государство, претендующее на субъектность и прогресс, производит ценности, смыслы, знания, институты, постоянно адаптируя их к потребностям общества и сообразуясь с глобальным миропорядком. Как здесь выглядит Россия? Каковы ее социально-экономические и политические векторы? Почему в ее коллективном сознании доминирует патерналистский уклад, эгалитарное понимание справедливости в отличие от западной модели «равенства возможностей»? Действительно ли России предначертан историей некий «особый путь» развития? Тогда в чем его суть? Чего нам не хватает, чтобы приблизиться к качеству жизни в развитых демократиях?

В этой книге известный экономист, профессор предлагает динамичный обзор событий в стране за послеперестроечную четверть века. Обширная фактология и статистика, авторский анализ самых разных аспектов российской жизни помогают разобраться в сложной и противоречивой картине нашей действительности, представить возможные сценарии развития России.

ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-93895-113-2

© Е. Гонтмахер, 2017

© Школа гражданского просвещения, 2017

Содержание

<i>Предисловие</i>	4
Часть 1. Расставание с Советским Союзом	6
Часть 2. Социальный рай нулевых?	22
Часть 3. Социальная жизнь в условиях экономического застоя	37
Часть 4. «Россия во мгле»-2?	54
<i>Приложение</i>	
Современная Россия в блужданиях между XX и XXI веками	70
Антизападная западня	70
Языческая Русь	74
«Корни травы» не выкосишь	79
Меньше знаем, крепче спим	83
Еще какая «не Европа»	88
Бедная моя страна	92
Как Россия может выбрать Европу	97
Россия и ускользящая цивилизация:	
Запад ждут тектонические сдвиги	101
Где взять идентичность	110
<i>Примечания</i>	114

Предисловие

Когда весной 2016 года Яков Аркадьевич Гордин попросил меня написать для журнала «Звезда» серию очерков о социальной жизни современной России, я серьезно задумался. Ведь мои жанры – это академические статьи («Вопросы экономики», «Мировая экономика и международные отношения») и газетная публицистика («Ведомости», «Московский комсомолец», «Новая газета»). А тут предложен не просто, как сейчас говорят, лонгрид, а целая их серия.

Мои опасения были связаны прежде всего с тем, сумею ли я удержать внимание читателя аж на несколько месяцев. Но я решил рискнуть и написал четыре очерка, посвятив каждый из них определенному этапу жизни людей в новой России: переход от «советскости» к «российскости», затем «социальному раю нулевых», нынешнему кризису и, наконец, нашим социальным перспективам. Эти очерки опубликованы в журнале «Звезда» (№ 10 и 11 за 2016 год, 1 и 2 за 2017 год), за что я благодарен всем, кто к этому причастен.

Параллельно я опубликовал целую серию статей в газетах «Ведомости» и «Московский комсомолец» об особенностях нашей социальной политики, которая ведет страну, как мне представляется, к деградации. Это тем более обидно на фоне тех поистине революционных сдвигов, которые происходят в европейской цивилизации и касаются множества социальных и политических институтов. При этом,

конечно, Запад (понимаемый мной не в географическом, а в ценностном смысле) не собирается ставить под сомнение основы своего устройства, построенные на примате прав и свобод индивида. Своим видением этой проблематики я попытался поделиться с заинтересованными читателями.

В их числе оказались основатели Школы гражданского просвещения Елена Немировская и Юрий Сенокосов. А я, по мере сил и возможностей, также участвую в работе Школы, прилетая на ее сессии даже в дальние страны. И в один прекрасный момент я решился предложить Юрию Петровичу, отвечающему за публикационную программу Школы, издать под одной обложкой все эти мои размышления о жизни в России и в Европе. Знаю, что книги и журналы, издаваемые Школой, всегда находят благодарного читателя, к которым с большой гордостью отношу и себя.

И вот теперь книга готова. Я с волнением жду критики и заинтересованных откликов.

*Евгений Гонтмахер,
доктор экономических наук, профессор,
эксперт Школы гражданского просвещения*

Часть I

Расставание с Советским Союзом

I

Россия — страна с «непредсказуемым прошлым». Это относится не только к интерпретациям различных событий нашей истории. Так же дело обстоит и с историей отечественной социальной жизни, в том числе совсем недавней.

Всего лишь 25 лет назад, в 1991 году, мы жили по будничным правилам и привычкам, которые сейчас кажутся... А впрочем, почему «кажутся»? Автор этих строк родился в 1953 году и закат советской эпохи застал во вполне зрелом возрасте, будучи кандидатом наук, имея жену, двоих детей. Поэтому я вполне могу быть свидетелем эпохи, говорящим «правду, и только правду».

Но к моему поколению, а точнее к объективности его воспоминаний о тогдашней социальной жизни, я еще вернусь.

Непредсказуемость российского прошлого определяется тем, что из нынешних почти 122 миллионов наших сограждан, которым 15 и более лет, лишь 81 миллион родился ранее 1985 года. Уже треть (!) взрослых людей либо не помнит советскую жизнь (в 1991 году им было максимум 6 лет), либо просто родились уже в новой России. И это соотношение с каждым годом меняется из-за неумолимой демографии.

Это значит, что для значительной части наших соотечественников Советский Союз как отдельная цивилизация — не более чем история, с которой можно познакомиться либо по письменным свидетельствам, либо из рассказов родителей, бабушек с дедушками или таких свидетелей, как я.

Что касается письменных источников, то здесь у нас большая беда: наше нынешнее государство, полагаясь на наследие царского и сталинского самодержавия, пытается подогнать советскую историю под свои корыстные сиюминутные цели. Отсюда и стремление к единообразному преподаванию истории в школах, вбрасывание мифов об усатом «эффективном менеджере», бюсты которого начали ставить в разных уголках России. Отсюда и нынешнее почти полуофициальное понимание брежневского застоя как эпохи стабильности и благополучия. Отсюда и известная мысль Владимира Путина о том, что распад СССР — крупнейшая геополитическая катастрофа XX века.

Но эти попытки пока все-таки довольно робки и разрозненны. В отличие от бурного развития мифологии в связи с Великой Отечественной войной, участников которой осталось очень мало, большинство взрослого населения помнит закат Советского Союза. И тут мы возвращаемся к свидетельствам современников той поры.

Принято считать, что с возрастом люди невольно начинают приукрашивать события юности и молодости. Плохое стирается из памяти, остается только позитив. Как мне представляется, это можно легко объяснить на чисто физиологическом уровне: если бы наш мозг хранил все, что с человеком происходило с момента его осознания самого себя (обычно это происходит в 5–6 лет), то к старости этот наш важнейший орган просто взрывал бы человеческую психику. Представьте себе: вам 60 лет, а вы до сих пор переживаете свои первые любовные неудачи или проблемы с успеваемостью в школе. Чтобы мы не сошли с ума, наше сознание и отсекает этот негатив, окрашивая личное прошлое в тот или иной оттенок розового цвета.

Конечно, в реальной жизни и в каждом персональном случае все намного сложнее. Нельзя, например, полностью сдать в архив отсидку в тюрьме (если, конечно, ты не профессиональный преступник) или потерю близкого человека (супруга, ребенка). Но если таких событий в жизни не слу-

чается, что, к счастью, характерно для большинства из нас, то ностальгия по временам собственной юности и молодости — весьма распространенное явление.

Этому способствуют и два других обстоятельства современной российской жизни: социальные потрясения 90-х годов и массивная государственная пропаганда.

Гайдаровские реформы привели к двукратному падению реальных доходов населения. Сейчас можно спорить — было ли это неизбежно или нет, но факт остается фактом: такого в мирное время в России никогда не случилось. Кроме того, резко возросло расслоение населения по уровню и качеству жизни. Это еще более озлобило людей. Для многих справедливость в распределении общественных благ, которая якобы господствовала в Советском Союзе, снова стала казаться оправданной. Что, кстати, не способствовало развитию духа предпринимательства и опоры на собственные силы в выстраивании индивидуальной судьбы. Расцвел, как будто никогда и не умирал, патернализм. Этому, конечно, помогала общая ситуация — например, то, что под контроль государства к концу 90-х стало переходить все больше собственности, а значит, и рабочих мест.

Ностальгия по справедливости, с которой ассоциируются советские годы, поддерживается и нынешней пропагандой. Чего стоит хотя бы использование Владимиром Путиным в отношении 90-х эпитета «лихие» и глагола «поураганили». Разнесенные через десятки миллионов телевизоров и повторенные пропагандистами эти словесмыслы глубоко внедрили в подсознание и пожилых, и молодых людей.

Я считаю, что именно восприятие большей частью нашего общества понятия социальной справедливости стало в 90-е годы тем барьером, который не позволил обеспечить необратимость перехода от «советскости» к «европейскости». И хотя я сослался на пропаганду и объективные обстоятельства, думается, что немалую роль в

этом фиаско сыграла и собственно социальная политика, которая в ту пору проводилась молодым российским государством.

II

Рассмотрим трансформационные процессы в наиболее важных сферах социальной среды человека: здравоохранении, образовании и культуре.

Здравоохранение

Советское здравоохранение было бесплатным и общедоступным. Эта фраза недалека от реальной действительности. Конечно, была платная стоматология с гинекологией, была глухая провинция, в которой до врача было не добраться, была номенклатурная («кремлевская») медицина, но общественный консенсус заключался в том, что до полного воплощения принципа справедливости — рукой подать. Надо только отменить привилегии партийным и прочим начальникам и чуть-чуть подбросить денег медицине.

Конец Советского Союза в глазах населения не повлек за собой явного кризиса здравоохранения, который, конечно, уже начинался из-за общего экономического развала, но в открытую форму, например в виде массового закрытия поликлиник и больниц, увольнения медперсонала, никак не перешел. Поэтому радикальные реформы начала 90-х, с точки зрения общественного мнения, не должны были касаться этой сферы.

Но изменения все-таки произошли. Они были связаны прежде всего с резким падением объемов экономики и соответственно снижением поступления денег в государственный бюджет — практически единственный источник финансирования системы здравоохранения. Фактически прекратились строительство и капитальный ремонт медицинских учреждений, резко упала зарплата врачей, медсестер и санитарок. В больницах стало хронически не хва-

тать лекарств. Кроме того, появилась тенденция к тому, чтобы пациент сам оплачивал питание и проживание при стационарном лечении.

От полной катастрофы спасло только-только введенное обязательное медицинское страхование (ОМС). Его запустили в России еще в советском 1991 году, но основополагающий закон был принят спустя два года. Не обсуждая в этом месте моего рассказа преимущества и недостатки ОМС по сравнению с моделью здравоохранения, полностью финансируемого из госбюджета, необходимо отметить, что установленный в то время целевой платеж на медицину (его обеспечивали работодатели и региональные власти) оказался серьезным финансовым подспорьем в тогдашней кризисной ситуации. Хотя этот платеж и назывался страховым, но фактически был налогом на поддержание здравоохранения, средства которого поступали не в госбюджет, где они могли быть всемогущим, вечно нуждающимся в деньгах Минфином направлены на любые другие цели, а в самостоятельную внебюджетную систему фондов ОМС.

При этом было неважно, почему был установлен именно такой, а не иной размер этого платежа. Ведь тогда никто не ставил вопрос о том, чтобы все расходы на здравоохранение покрывались ОМС. Главное — помочь испытывающему большие трудности госбюджету. В этом смысле введение ОМС было глубоко позитивным, социально ориентированным решением. Весьма неожиданный вывод на фоне сложившегося во многих головах стереотипа о бесчеловечности тогдашних реформ? Но это исторический факт.

Вместе с тем не надо преувеличивать значение этого шага. Да, катастрофы здравоохранения не случилось, но его состояние значительно ухудшилось, что не могло не сказаться на смертности людей.

Так, в докладе Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при президенте Российской Федерации «О современном состоянии смертности населения Российской

Федерации» отмечалось: «...число умерших увеличилось в России с 1,6 млн человек в 1989 году до 2,2 млн человек в 1995 году, то есть в 1,4 раза»¹. В этом же докладе говорилось: «Беспрецедентный рост смертности населения России в 90-е годы проходит на фоне резкого ухудшения здоровья населения». Однако корреляция между качеством здравоохранения и смертностью далеко не 100-процентная. По некоторым оценкам, на него можно возложить максимум 25–30% летальных исходов. Среди других причин высокой смертности — образ жизни (включая вредные привычки типа алкоголизма и наркомании), насилие (преступность, дорожно-транспортные происшествия), экология.

В России 90-х годов, как мне представляется, главную роль сыграл огромный стресс, который лег в основном на долю мужчин среднего возраста. Они ведь традиционно считаются кормильцами в семье. А тут резкое падение или невыплата зарплат, закрытие заводов, необходимость как-то приспособливаться... Мы прекрасно помним инженеров, переквалифицировавшихся в челночников, подбирающихся пенсионеров. В общественном сознании — это следствие «гайдаровских» реформ. Но при этом происходит столь же массовая аберрация ретроспективного зрения. Люди почему-то забыли о «павловской» конфискационной денежной реформе, пустых полках магазинов. Я, будучи в конце 80-х отцом двоих малолетних детей, помню, что не раз не мог купить хлеба (не белого или черного, а именно хлеба) в столице СССР Москве — только в третьей или четвертой булочной.

Реформы начала 90-х не просто вскрыли копившийся десятилетиями нарыв деградации всех общественных институтов, но и запустили процесс выздоровления России, который, к сожалению, в последние годы сменился очередной горячей лихорадкой...

Но вернемся к здравоохранению. Ситуация здесь в 90-е годы оказалась намного лучше, чем, например, в культур-

ной сфере, о которой мы еще поговорим. Это стало возможным из-за инерции советской модели плюс введения обязательных платежей в ОМС. И хотя положение в здравоохранении внесло свой вклад в формирование общественного негатива, связанного с порушенной «социальной справедливостью», этот фактор не стал критичным.

Что же касается тех, кто тогда рулил российским государством, то и они не уделяли необходимого внимания тому, что происходит в сфере охраны здоровья, занимаясь прежде всего макроэкономической стабилизацией. А ведь как своевременна была бы тогда настоящая реформа медицины, основанная на принципах общественного договора...

Образование

Заметные метаморфозы происходили и с образованием. Давайте начнем со школы.

Там в конце советского времени произошли удивительные события. В 1988 году тогдашний председатель Госкомитета СССР по народному образованию Геннадий Ягодин организовал Временный научно-исследовательский коллектив «Школа» во главе с Эдуардом Днепровым, а главным психологом комитета был назначен Александр Асмолов. С этого началась перестройка школы — от тоталитарного заведения, где во всех уголках необъятной страны изучали одно и то же, причем густо сдобренное тогдашней идеологией, к современной школе, базирующейся на вариативности и гуманистическом подходе, основанном на общечеловеческих ценностях. В 1991 году Днепров стал российским министром образования, а затем Асмолов — его первым заместителем. В школу пришли многочисленные новаторы — от экспертов до директоров школ и отдельных учителей. Благодаря этому, несмотря на ухудшение финансового положения системы образования, которое случилось в начале 90-х, российская школа стала быстро меняться.

При этом, конечно, проявились и негативные последствия столь быстрых изменений — расслоение школ по уровню образования. Во многих городах, а тем более селах просто не хватало учителей, перешедших на новые принципы обучения. Тут претензии можно предъявить педагогическим вузам, в которых не произошла смена преподавательских кадров — в том числе из-за очень низкой зарплаты. Молодые и перспективные люди бросились в бизнес, захотели стать юристами, экономистами, менеджерами, рассчитывая на быструю карьеру и высокие доходы. Естественно, что далеко не у всех такая мечта сбывалась, но идти в школу все равно не хотелось — это приравнивалось к жизненной неудаче.

Вот мы и получили как результат 90-х элитные школы и конкурс родителей за места в них. Очень напоминает советские времена с тогдашними спецшколами, в которых учились «спецдети». Понятно, что это сильно расходится с представлениями о социальной справедливости, которые разделяет большинство российского населения.

То, что произошло в 90-е со школой, показывает, как важно не просто запустить реформы, но и сделать их результаты общественной нормой.

Похожие процессы случились и с вузами. Быстро появились многочисленные лидеры, а остальная необъятная масса университетов, академий и всяких прочих институтов выпала в осадок. Да, поступить в вуз, особенно посредственный, не составляло никакого труда, чем успешно воспользовались почти все выпускники школ. Но вот на выходе, получив вожделенный диплом, молодой специалист зачастую был вынужден просто искать любую работу, которая не требовала приложения даже полученных скромных знаний. А все это из-за очень своеобразного российского рынка труда.

В 90-е годы спрос на специалистов в оставшихся еще на плаву советских заводах резко уменьшился, кроме разве что самого неквалифицированного труда (тут помогли мигранты

из Средней Азии, Украины и Молдовы). В появившийся тогда малый бизнес выпускники вузов в своей массе по специальности пристроиться не могли — там тоже был нужен либо самый простой труд, либо, наоборот, те знания, которые остающимися по-прежнему советскими вузы дать не могли. Кто-то, конечно, поехал учиться на менеджеров за границу, но таковых оказалось очень немного — нужно было знать английский язык (советская школа и вузы, как правило, такого навыка не давали) и иметь деньги (немалые по тогдашним российским меркам).

Именно в 90-е развалилась, хотя и слабая, существовавшая сеть техникумов и ПТУ. Это произошло из-за того, что на них пришелся первый и самый чувствительный удар от снижения бюджетных расходов из-за распада реального производства. Сыграл свою роль и сформировавшийся тогда феномен вузоцентризма, выпускники школ, которые не стали студентами высших учебных заведений, считались неудачниками, их социальный статус был соответствующий.

Можно сказать, что принцип социальной справедливости, как он понимался в советское время, в 90-е годы был реализован на все 100%: доступность формального высшего образования стала намного выше, чем в СССР. Но при этом никто из власть имущих, к сожалению, не обращал внимания на качество этого образования. Считалось, что как-то само по себе все наладится: старосоветская профессура уйдет на пенсию, придут молодые, современные. Увы, естественной смены поколений не произошло — не в физиологическом, а в содержательном смысле. До сих пор во многих вузах, несмотря на изменения формальных оболочек учебного процесса, уровень преподавания не соответствует требованиям XXI века...

Некоторая надежда на кардинальное обновление была связана с появлением негосударственных (частных) вузов. Но и она не оправдалась: в большинстве случаев получение прибыли оказалось более сильным стимулом по сравнению с качеством образования. Многие такие вузы стали просто

местами, где за плату выдавали диплом о высшем образовании и помогали избежать призыва в армию. Нет сомнения, что в этом процессе участвовало и тогдашнее Министерство образования, выдавая лицензии на обучение десяткам, если не сотням подобного рода вузам, выпускавшим специалистов с нулевыми знаниями. Тему торговли поддельными дипломами я не рассматриваю.

Культура

Об этой сфере писать и трудно, и легко.

Что касается чисто материальной части — дворцов культуры, музеев, библиотек, кинотеатров и просто театров, то в 90-е годы ущерб здесь был нанесен радикальный. Произошла массовая приватизация зданий, в которых эти учреждения располагались, что повлекло за собой их столь же массовое закрытие или перепрофилирование. Но при этом появились частные театры и другие негосударственные центры культурной активности. Практическая ликвидация бесплатного предоставления многих услуг в сфере культуры на фоне общего падения уровня жизни привела к тому, что если в 1990 году российские музеи посетили 144 миллиона человек, то в 2000-м — всего 72,7 миллиона². По театрам и библиотекам отмечается аналогичное снижение³. Однако эти цифры лишь намекают на то, что произошло в сфере культуры в это десятилетие.

Глубоко ошибочно понимание культуры как отрасли по производству услуг такого же характера, как в секторе бытового обслуживания. К сожалению, до сих пор такой подход главенствует при принятии государственных решений. На самом деле культура — это отражение и производство смыслов и ценностей, на которых базируется общественная и личная жизнь. Да, для этого, в частности, нужны и театры, и музеи, и библиотеки, и прочая матчасть, но только в качестве одного из инструментов очеловечивания всего и вся.

С этой точки зрения советские годы, особенно в их застойной завершающей фазе, были периодом явного кри-

зиса марксистской концепции культуры. Коммунистическая идея к 90-м канула в Лету даже для партийной номенклатуры. Либеральные ценности, важнейшей частью которых являются права человека, в открытую демонстрировала лишь узкая группа диссидентов. В тогдашнем российском обществе (не беру весь Советский Союз, а именно РСФСР — Россию) наблюдалась ценностная и смысловая эклектика, которая наиболее выразительно описана в проекте Юрия Левады и его коллег Homo soveticus⁴:

«Советский строй не создал нового, «простого», полностью социализированного человека, образ которого создавали радикальные мечтатели и который до конца своего владения использовала официальная пропаганда. На деле сформировался не «простой», но лишь «упрощенный» в своих представлениях и запросах человек. И не новый, а лишь более или менее прочно приспособленный к заданной и неотвратимой социальной реальности. На уровне отдельного человека вся присущая советскому строю система сделок с государством неизбежно оборачивалась нравственной коррумпированностью, принятием показухи, приписок, блата, взяточничества, двоемыслия в качестве необходимых условий функционирования хозяйства и общества. Крушение советской системы не принесло в этот котел ничего принципиально нового, но лишь устранило те социальные и институциональные (карательные) регуляторы, которые ограничивали влияние коррумпизирующих механизмов».

Именно поэтому в массовом сознании так спокойно был воспринят крах Советского Союза 25 декабря 1991 года. Люди заснули еще в СССР, который занимал 1/6 часть земной суши и был одной из двух сверхдержав, а 26 декабря утром проснулись уже в России — с совершенно другими границами и принципиально ослабленным международным статусом. И ничего не произошло! Никто не вышел на Красную площадь с требованиями вернуть утерянное. Если до этого крушение империй происходило в результате проигранной войны (Франция, Германия, Австро-

Венгрия, Оттоманская держава), то здесь все произошло бескровно и внезапно для внешнего мира. Советское сооружение прогнило насквозь и обвалилось от первого же внутреннего толчка в виде ГКЧП.

Революция морали

И вот этот ценностный мир Homo soveticus совершенно внезапно оказался в новой системе координат: ельцинско-гайдаровские реформы требовали совсем другого типа человека, который, упрощая, можно назвать Homo europaeus («человек европейский»). Ценности, которые лежат (или должны лежать) в базисе этого феномена сформулированы в Договоре о Европейском союзе⁵:

«Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общест-ва, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин».

Конечно, подобного рода четких формулировок в России никто тогда публично не предъявлял. С высоких трибун говорили о свободе, демократии и рыночной экономике без сколько-нибудь детальной расшифровки того, что это значит в конкретной жизни конкретного человека.

А тем временем люди посмотрели — кто по телевизору, а кто и наяву — как с материальной точки зрения живет Запад. Естественно, что очень понравилось. Но ценой чего, на базе каких ценностей и общественных институтов это было достигнуто, так никто и не понял. Поэтому произошла массовая аберрация массового сознания: надо потреблять как «за бугром» — и этого достаточно, чтобы чувствовать себя европейцами.

Но все оказалось далеко не так благостно. Чтобы жить как в Европе, нужно сначала на месте прогнивших совет-

ских конструкций возвести что-то совершенно новое — то, что сейчас принято называть «институты». А это очень болезненный процесс, тем более что экономика и уровень жизни начали валиться еще при СССР.

Очень интересен в этом смысле пример Прибалтики. Как только Эстония, Латвия и Литва восстановили свою независимость и начали проводить реформы, подобные гайдоровским, они тоже испытали колоссальный экономический и социальный шок. В Латвии в 1991 году ВВП (в сопоставимых ценах) упал на 11,2%, в 1992-м — на 34,2% (!), в 1993-м — еще на 15,4%⁶. Итого за три года ВВП Латвии уменьшился в два раза! Результат похуже российского. В социальном смысле жители Латвии пострадали не меньше, заплатив не менее резким снижением доходов, отменой большинства социальных льгот, резким повышением платы за жилье и т.п. В Эстонии и Литве ситуация была помягче, но принципиально не отличалась от латышской. И тем не менее в этих странах не случилось никакой «революции наоборот». Основная часть населения согласилась с тем, что за возвращение в Европу нужно для начала многим пожертвовать. Все-таки 45 лет советской власти (1945–1991) и более 70 лет в России ее господства (1917–1991) — это принципиально разные временные отрезки хотя бы с точки зрения исторической памяти. В прибалтийских странах на момент наступления застоя в СССР были живы довольно многочисленные поколения людей, которые родились и выросли при прежнем режиме. А в РСФСР таких, по вполне естественным причинам, уже практически не было. Вот и получилось, что массовые ожидания россиян быстренько перепрыгнуть из несостоявшегося социалистического в буржуазный рай очень быстро попали под пресс реальной жизни 1990-х.

Очевидно, что общественное мнение должно было найти какое-то объяснение этому разочарованию. И оно нашлось в виде начавшегося отрицания базовых ценностей, с которыми пришел к власти Борис Ельцин и его единомышленники: демократия, рыночная экономика, права человека. Они

стали вытесняться ностальгическими настроениями, связанные в том числе с «наведением порядка». Правда, до чуть ли не полуофициального обеления Сталина тогда дело не доходило — это произошло позже, уже в нулевые...

Однако тогдашнее российское руководство фактически игнорировало смену настроений в обществе, рассчитывая, скорее всего, на то, что преимущества капитализма станут очевидными для молодых, а сторонники возврата к прошлому уйдут на пенсию или просто вымрут.

III

Так неужели реформы были заведомо обречены на столь неожиданную для их инициаторов судьбу? Могло ли быть все по-другому? Ответ на этот вопрос очень важен сейчас, спустя 25 лет, когда Россия снова стоит перед системным выбором между деградацией и цивилизационным прогрессом.

Вернемся к понятию «социальная справедливость», понимание и отношение к которой в российском общественном мнении и подрубило благополучный транзит от «советскости» к «европейскости».

Так называемый социалистический 70-летний эксперимент, сформировав *Номо soveticus*, построил в него и вполне законченное понимание социальной справедливости. Ключевой элемент здесь — это, конечно, «равенство». В Советском Союзе оно расшифровывалось прежде всего как равенство в потреблении.

А вот в европейской культурной традиции равенство понимается прежде всего как равенство возможностей. Для реализации этого принципа еще со времен Великой французской революции и ее лозунга «Свобода, Равенство, Братство» уже на государственном уровне в Европе шла речь о равенстве всех перед законом — неприкасаемых нет. Конечно, в реальной жизни все было несколько иначе, но еще в XIX веке появились независимые (а точнее, разнообразные) СМИ, суд

перестал быть придатком исполнительной власти, а президентов (премьер-министров) начали менять в результате свободных и всеобщих выборов. Да, конечно, на этом пути были срывы — вспомним фашистскую Италию и нацистскую Германию. Но сейчас практически невозможно представить себе кардинальную ревизию устоявшегося институционального порядка. Даже в Греции, в которой не так давно на выборах в парламент победили ультралевые силы, уже не ставится вопрос о выходе из Евросоюза, который скреплен, как отмечалось выше, общей системой ценностей, в том числе и в понимании справедливости.

Кстати, греки долгое время популистски реализовывали идею справедливости за счет расширения потребления: там ввели обязательные выплаты «13-й» и даже «14-й» зарплаты, резко задрали пенсии, предоставляли широчайший круг социальных льгот. Дело закончилось фактическим банкротством страны, экономика которой не смогла все это финансировать. Чтобы как-то преодолеть жестокий кризис, власти вынуждены резать социальные расходы по живому. Это, естественно, подавляющую часть народа не устраивает. Но вполне утилитарное желание оставаться в европейском экономическом и политическом пространстве перевешивает недовольство.

Понятно, что равенства потребления (так же как и равенства возможностей) нигде на практике нет. В том же Советском Союзе существовали спецраспределители, пайки, продуктовые заказы на предприятиях и т.п. И это, кстати, было одной из причин подрыва его внутренней стабильности. Вспомним, как Борис Ельцин, будучи еще первым секретарем Московского горкома КПСС, проехавшись на метро и демонстративно переодевшись в костюм от «Большевички», начал эксплуатировать тему привилегий партийной номенклатуры.

Естественно, что люди, поддержав Бориса Ельцина уже в качестве президента новой России, ожидали от власти быстрого улучшения качества жизни, справедливого рас-

пределения материальных благ. Однако реформы начала 90-х принесли обществу не только не снизившееся, а и колоссально увеличившееся социально-экономическое расслоение.

Вот статистика: в 1990 году денежные доходы 20% наиболее обеспеченного населения России в 3,3 раза превышали доходы 20% самой бедной его части, а уже в 1995 году это соотношение достигло 7,6 раза⁷.

Но дело не только в цифрах. Не успела Россия отодвинуть от дел партийную номенклатуру с ее привилегиями, как на смену ей пришел новый класс со своим особым образом жизни: уже в начале 90-х появилось так называемое элитное потребление, специальная инфраструктура для богатых (магазины, отели, клубы, потом и школы с поликлиниками). Причем в отличие от советских времен бившее через край богатство публично демонстрировалось, было критерием успешности; возник феномен новых русских. Разве этого ожидали десятки миллионов россиян, думавших, что от прихода демократии и рыночной экономики и им чего-то перепадет?

Способы и объемы обогащения шокировали, любые средства оправдывались законами рынка, отсутствием правовых норм. Последствия дикого рынка нам предстоит еще долго осмысливать.

Так, значит, ничего изменить в реформах начала 90-х было невозможно и начавшийся уже в конце того десятилетия отказ от вынесенных тогда на повестку дня преобразований европейского типа был неизбежен?

Сейчас, конечно, трудно корректно ответить на этот вопрос. Ведь, как известно, «История не знает слова “если”» (Карл Хампе)⁸. Важно другое: уроки на будущее. Потому что России предстоит, судя по всему, еще один раз попытаться радикально поменять всю философию своей общественно-политической и социально-экономической жизни. Но об этом — в одном из следующих очерков.

Часть 2

Социальный рай нулевых?

I

Социально-экономическая история 1990-х окончилась августовским дефолтом 1998 года. После резкого падения всех социально-экономических параметров в начале «гайдаровских» реформ в середине этого десятилетия наступила стабилизация. И население, и эксперты считали, что дно достигнуто. И тут грянул жесточайший экономический кризис, вызванный резким падением мировых цен на топливно-энергетические продукты и финансовым кризисом в Юго-Восточной Азии. В результате был объявлен технический дефолт по государственным долговым обязательствам; курс рубля к доллару упал в три раза. Разорилась масса предприятий, банков; население потеряло сбережения в пересчете на валюту; выросла безработица; реальные доходы россиян упали на 16%⁹ по сравнению с докризисным годом. Это было время, когда накопились многомесечные долги по выплатам пенсий и зарплат бюджетникам.

Меня тогда удивила реакция населения на все эти беды. Точнее, отсутствие этой реакции. Если в преддефолтном 1997 году официальной статистикой было зафиксировано 17 007 организаций, на которых проходили забастовки, то в 1998 году этот показатель снизился до 11 162 организаций! Такая же динамика и по численности участников забастовок — 887,3 тыс. и 530,8 тыс. человек¹⁰. Не помню я и уличных шествий и митингов. Неужели, чтобы погасить открытое недовольство, Борису Николаевичу оказалось достаточным отправить в отставку правительство Сергея Кириенко и руководство Центрального банка?

Думаю, что причины того, что «народ безмолвствовал», намного фундаментальнее.

Прежде всего, несмотря на всю политическую вольницу 90-х, люди в своей массе так и не успели научиться самоорганизовываться для отстаивания своих интересов. Всесоюзная забастовка шахтеров 1990 года, потрясая основы советского общественного устройства, оказалась единственным примером массового политического протеста. Те же горняки пробовали повторить свой тогдашний успех уже в 1998 году (но до дефолта) и ничего, по сути, не добились перекрытием железных дорог в Кузбассе и стучением касками на Горбатом мосту в Москве, рядом с резиденцией правительства.

Видимо, слишком мало лет было отпущено на то, чтобы выдавить из себя раба, трансформировать «вольницу» в свободу. Или, иными словами, от игры без правил перейти к общественной жизни, где твоя свобода ограничена свободой других людей и это закреплено законодательно. Да и годы были сверхтяжелые — многим надо было просто физиологически выживать. К революциям ведут либо массовые потрясения или затянувшиеся неудачные войны (как это произошло в феврале 1917 года в России), либо начавшийся экономический и социальный рост, темпы и качество которого стали не устраивать сколько-нибудь значительную часть общества, как и результаты выборов в органы власти (российские протесты 2011–2013 годов яркий тому пример).

В России 1998 года ничего этого не было. Более того, накопилась усталость от постоянных кризисов и социальных потрясений, начавшихся еще в позднесоветскую эпоху. И тут очень вовремя — надо отдать должное политическому чутью Бориса Николаевича — появилось правительство Примакова–Маслюкова. Эти люди никак не ассоциировались с «гайдаровскими» реформами, более того, были скорее их противниками. Хотя мне, работавшему на высокой должности в правительстве и наблюдавшему за ситуацией изнутри, уже тогда понравилось поведение этих

людей, которые, отбросив идеологические пристрастия, просто проявили здравый смысл, богатый управленческий опыт. Они взяли на себя купирование дефолтных шоков — и не только в чисто экономическом смысле.

Своим спокойствием и рассудительностью Примаков смог сбить панические настроения, приобретя тем самым харизму, вполне сопоставимую с ельцинской. Поэтому я нисколько не был удивлен тому, что его быстро убрали с премьерского поста, от которого оставалась всего одна ступенька до самой вершины российской власти... После короткой степашинской «загогулины» началось время Владимира Путина.

II

В декабре 1998 года (председателем правительства был еще Евгений Примаков) баррель нефти марки Brent на мировом рынке стоил всего 10,45 долл.¹¹ (низшая точка за все 90-е годы). В декабре 1999 года, уже при Путине-премьере и кандидате в президенты — 25,3 долл.¹² Сопоставление этих двух цифр, перелом понижительной тенденции обозначили начало новой российской экономической, социальной и политической эпохи. Всего лишь через неполных восемь лет, в июне 2008 года, цена на нефть поднялась до рекордных 140,44 долл.¹³ Но потом цена снова пошла вниз. Вот именно тогда и закончились социальные нулевые.

За 2000–2008 годы, если пользоваться официальной статистикой и сделать поправку на инфляцию, доходы населения и средняя пенсия возросли в 2,2 раза, а средняя зарплата — в 2,8 раза!¹⁴ Надо сказать, что такие темпы роста благосостояния в истории России наблюдались, скорее всего, только во время НЭПа (20-е годы прошлого столетия).

Важным моментом было то, что в нулевых ощутимую прибавку к уровню жизни получили все слои населения — от людей, занимающихся неквалифицированным трудом, и

пенсионеров до ведущих специалистов всех отраслей. Но хотел бы добавить в эту бочку меда ложку дегтя: в эти же годы очень существенно возросла и дифференциация в обществе по уровню материального благосостояния граждан. В 2008 году коэффициент фондов (соотношение между средними доходами 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)¹⁵ — 16,9, в 2000-м — 13,9¹⁶. То есть доходы выросли практически у всех, но самой большой прирост произошел у наиболее богатых граждан.

В нулевые годы обозначился еще один социальный феномен: в России образовались группы регионов, в каждой из которых уклад жизни имел отчетливую специфику.

Прежде всего необходимо упомянуть столицы — Москву и Санкт-Петербург, которые стали вполне восточноевропейскими городами и по доходам основной части жителей, и по многим внешним признакам. Они стали чем-то похожи на Варшаву, Прагу, Белград, быстро догоняя даже Берлин. Это вполне объяснимо: именно в российских столицах были сосредоточены наиболее высокооплачиваемые и престижные рабочие места, сюда переехало много так называемых экспатов, то есть иностранных граждан, именно москвичи и петербуржцы чаще других россиян посещали Европу и как туристы, и по делам.

К этой группе примыкали регионы, где добывалась большая часть нефти и газа: Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа, а затем и Сахалинская область, Республика Коми. На проживающее там небольшое население вдруг стали сыпаться огромные деньги и в виде высоких зарплат, и внушительных региональных бюджетов. Естественно, что в этих регионах появилась самая современная социальная инфраструктура, люди оттуда поехали на отдых во все уголки мира.

Следующей по уровню социального достатка группой стали старопромышленные регионы Урала и юга Сибири, а также Татарстан и Башкортостан, Самарская область, где сохранившаяся в перестройку индустрия (металлургия,

химия, добыча угля, небольшая добыча нефти) стала обеспечивать более приличный доход людям.

Близкая к ним группа — север европейской части страны, практически весь Дальний Восток, который держался за счет добычи и переработки нефтегазового сырья (плюс лес, рыба), а также транзита грузов в другие части страны.

Еще ниже — Краснодарский и Ставропольский края, Оренбургская и Ростовская области и южное Поволжье, где палочкой-выручалочкой стало прежде всего сельское хозяйство и переработка его продукции.

Ближе к социальному «дну» располагаются депрессивные и обезлюженные регионы Центральной России, северное Черноземье, а также небольшие национальные республики Поволжья. Для них характерна устаревшая промышленность и экстенсивное сельское хозяйство, отток населения в крупные региональные центры, высокая доля пенсионеров и других неработающих людей.

И наконец, в самом низу — республики Северного Кавказа, Калмыкия, Тыва. Там как раз начало складываться весьма архаичное устройство всей будничной и общественной жизни, расцвела неформальная мелкая экономика. Эти регионы фактически содержатся из федерального Центра.

В условиях, когда в федеральном бюджете скапливались огромные деньги, картина разделения России на несколько четко выраженных кластеров со своим уровнем и образом жизни частично нивелировалась массивными централизованными вливаниями в депрессивные регионы. Но когда казна оскудела, оказалось, что эти «острова» никак не сшиваются в единое, общероссийское экономическое, социальное и даже культурное пространство. Об этом отдельно мы поговорим в заключительном очерке.

Сейчас важно понять, почему это произошло. Корень в так и не произошедшей структурной перестройке экономики. В известной «программе Грефа», написанной в начале 2000 года по заказу Владимира Путина, было заявлено: *«Основной целью структурной политики государства на*

следующее десятилетие должно стать содействием повышению конкурентоспособности производства отечественных товаров и услуг на внутреннем и мировых рынках и повышение доли отраслей, производящих продукцию с высокой степенью переработки, и отраслей сферы услуг»¹⁷. Но вскоре случился упомянутый космический рост мировых цен на нефть и газ и в российскую казну полились огромные потоки денег. Если в 2000 году они составляли всего 9% от доходов федерального бюджета, то в 2008-м — уже 47%¹⁸. При этом доходы федерального бюджета выросли с 1,132 трлн руб. в 2000 году¹⁹ до 9,276 трлн руб. в 2008-м²⁰, то есть почти в 9 раз!

Казалось бы, выдели из этой огромной суммы средства на стимулирование нефтегазового сектора (дешевые кредиты, налоговые льготы и т.п.) и все задуманное произойдет. Кстати, в «программе Грефа» многие подобные меры были предусмотрены. Но в 2010 году стало понятно, что программа почти так же далека от реализации, как и в самом начале. Евгений Ясин, в авторитете которого трудно сомневаться, оценил степень ее выполнения в «от силы 10–15%»²¹. Разбор причин неудачи не является целью моих заметок. Единственное, что хотел бы отметить: любые реформы несут политические риски их инициаторам. Вспомним Михаила Горбачева, затеявшего перестройку и в результате потерявшего власть, а вместе с ней и возглавляемый им Советский Союз.

В результате все большая однобокость экономики серьезно исказила российский рынок труда. Если работать в «Газпроме», нефтяной компании или в обслуживающем их бизнесе, то зарплата быстро растет, отрываясь от заработка основной массы работников, у которых такой удачи не случилось. В 2008 году средняя оплата труда тех, кто занимался добычей топливно-энергетических ископаемых, в 2,3 раза опережала среднюю зарплату по стране. Разрыв с обрабатывающими производствами составлял 2,4 раза, со здравоохранением и предоставлением социальных услуг — 3

раза, образованием — 3,5 раза²². И это без весьма распространенных в нефтегазовой сфере «социальных пакетов» (различные доплаты, стимулы, дополнительная медицинская страховка, взнос в негосударственный пенсионный фонд и т.п.). Отсюда и вытекает усилившаяся в нулевые годы разница в уровне жизни между теми, кто побогаче, и всеми остальными.

При этом начало укореняться такое явление, как остановка социальных лифтов.

Если вспомнить советское время, то попадание в партийно-хозяйственную номенклатуру было в большинстве случаев следствием карьерного роста людей, зачастую с самого низа, что называется, от земли. Да, двигателем этого социального лифта был своеобразно понимаемый тогда через призму партийных критериев профессионализм, но по наследству места в номенклатуре редко когда передавались.

В 1990-е годы революционные потрясения вынесли на поверхность совершенно новый слой людей, которые при советской власти не имели никаких шансов прийти во власть. И не из-за своего социального происхождения, а из-за устройства мозгов, которое не позволяло превратить мимикрию в профессию. Правда, надо признать, что и в этом хаосе не только уцелели, но и сделали карьеру в политике и бизнесе многие высокопоставленные партийные кадры: кто-то ценой радикального разрыва с прошлым (как это произошло, например, с Борисом Ельциным), кто-то благодаря особому цинизму или той же мимикрии.

А вот в нулевые восходящее движение по социальной лестнице сильно замедлилось, если не остановилось. Это привело к стагнации политической элиты, застою в смене руководящих кадров. Прошла пора ельцинской чехарды с премьерами и министрами; давно поставленные на руководство все более усиливающимися госкорпорациями люди так и сидят на своих местах до сих пор. За примерами можно далеко не ходить: председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер занимает эту должность с

2001 года, Сергей Кириенко возглавлял «Росатом» с 2005 по 2016 год, а Сергей Чемезов — корпорацию «Ростехнологии» («Ростех») с 2007 года.

Однако дело даже не в отдельных лицах. В конце 1990-х в России заговорили о среднем классе — прослойке людей, которые, обеспечив себе неплохой устойчивый доход, ведут немного другой по сравнению с нижестоящими в общественной иерархии группами образ жизни: ездят отдыхать за границу, пользуются преимущественно платной медициной, устраивают детей в элитные школы и вузы в России и за рубежом, покупают (или приобретают через ипотеку) просторные квартиры и коттеджи и т.п. Если в начале нулевых численность среднего класса весьма приблизительно оценивалась ведущим экспертом в этом вопросе Татьяной Малевой в 20% от населения²³, то в конце этого десятилетия она констатировала, что никаких серьезных изменений этого показателя так и не произошло.

Архаичная экономика вкупе со стагнацией модернизационных процессов препятствует прогрессу в большинстве областей социально-экономического пространства России.

III

Было бы неправдой утверждать, что в нулевые годы реформы совсем не проводились. В социальной жизни России их было две: пенсионная, которая была запущена 1 января 2002 года, и монетизация льгот 2005 года.

Пенсионная реформа готовилась несколько лет, со времен прихода в правительство в 1997 году «младореформаторов» (Анатолия Чубайса, Бориса Немцова и Олега Сысуева). В «программе Грефа» она получила почти законченный вид, а в 2001 году основные сопровождающие ее законы были приняты Государственной думой.

Важно отметить, что наряду с огромным макроэкономическим и финансовым содержанием пенсионная реформа 2002 года стала едва ли не ключевым фактором «социаль-

ной справедливости», плачевное состояние которой сыграло, возможно, решающую роль в судьбе гайдаровско-ельцинских преобразований начала 90-х.

Возьмем, например, отмену максимального размера трудовой пенсии, что я считаю революционным шагом. В СССР обычный неработающий пенсионер мог получать максимум 120 руб. месяц, а с 10-процентной надбавкой за сверхнормативный трудовой стаж — 132 руб. Справедливо ли это, учитывая, что многие высококвалифицированные люди зарабатывали и 300, и 400, и более рублей в месяц до выхода на пенсию? Помню, как тогда жаловались: «Проработал много лет начальником цеха, а пенсия — почти как у уборщицы, которая наводила порядок в моем кабинете». В 90-е эта практика продолжилась, но через другие механизмы — в частности, установления верхнего предела так называемого индивидуального коэффициента пенсионера. В 2002 году с этой уравниловкой, которая многим не нравилась, начали было заканчивать. Если бы государство имело терпение, то лет через 15–20 наши пенсионеры получали бы не 12–13 тыс., а 50, 100 и даже больше тысяч рублей в месяц. Для этого нужны были бы два очень простых условия: 1) много зарабатывать до выхода на пенсию и 2) исправно платить пенсионные взносы со всей этой зарплаты.

Или возьмем введение обязательной накопительной части в пенсионной системе. Казалось бы, чисто финансовый инструмент. Но на самом деле — еще одна потенциальная революция. У миллионов людей среднего и молодого возраста появляется возможность вмешаться в свое пенсионное будущее. Но для этого надо решить самому, не принудительно, куда инвестировать 2, потом 4, а затем и 6% от своей зарплаты на формирование своего пенсионного капитала. Справедливо?.. Сразу не скажешь.

К сожалению, наше государство, запустив в 2002 году достаточно сбалансированную — и экономически, и социально — пенсионную реформу, не выдержало, как я уже сказал, испытание терпением. Уже через пару лет процесс

реализации реформы стали корректировать, ломая только что запущенное.

Например, с 2005 года отменили обязательный накопительный элемент для мужчин 1953–1966 годов рождения и женщин 1957–1966 годов. Объяснение: якобы они не успеют до достижения пенсионного возраста что-либо существенное на своих счетах накопить. Действительно, работодатель на тот момент платил туда за них всего 2% от зарплаты. Но кто мешал увеличить эти отчисления (возможно, с участием самого работника) до 4, 6 или более процентов? Возмущенные этой явной несправедливостью люди дошли до Конституционного суда, но так ничего и не добились.

Затем еще через пару лет ввели максимальный размер заработка, с которого берется страховые взносы, в том числе в Пенсионный фонд. Мотивация авторов этого предложения была примерно такой: государство теперь обеспечивает базовый уровень пенсии, а все остальное пусть человек (если у него, конечно, есть на это лишние деньги) несет в негосударственные пенсионные фонды. Вроде бы правильно с точки зрения социальной справедливости — и некая минимальная гарантия есть, и работнику дается право самостоятельно действовать. Однако на практике все оказалось совсем не так.

Во-первых, Пенсионный фонд лишился значительной части своих доходов. Поэтому пришлось срочно привлекать дотации из федерального бюджета, что стало сейчас, в условиях нехватки там денег, головной болью и Министрства финансов, и всего правительства.

Во-вторых, система негосударственных пенсионных фондов (НПФ) на тот момент оказалась недостаточно подготовлена для приема взносов от физических лиц «с улицы». Хочу напомнить, что большинство этих фондов являются корпоративными структурами и обслуживают прежде всего сотрудников этих структур. Кроме того, их просто мало — попробуйте найти в каком-нибудь среднего размера провинциальном российском городе офис НПФ, который принимал бы взносы от населения.

Вот и получилось, что Пенсионный фонд перестал сводить концы с концами, а люди с приличными доходами предпочитают до сих пор тратить эти деньги на что угодно, кроме создания накоплений на старость.

Окончательно добил пенсионную систему образца 2002 года переход в 2015-м на так называемый балльный принцип начисления будущих пенсионных прав. Но об этом подробнее поговорим в третьем очерке.

Вернемся в начало нулевых. Правительство, вдохновленное успешным на тот момент запуском пенсионной реформы, решило радикально перестроить и систему социальной защиты. Речь идет о печально знаменитой монетизации льгот.

В этом случае провал оказался очень быстрым. Ведь в пенсионной сфере объектами реформ являются не те, кто уже находится на заслуженном отдыхе, а работники. Подавляющему большинству из них, как правило, нет охоты «качать права». Причина проста: если доживем до пенсии, то там и будем решать проблемы. Единственное, что, пожалуй, может всколыхнуть 40–50-летних людей — это повышение пенсионного возраста, последствия которого ясны.

А вот последствия монетизации льгот в виде ухудшения социального положения миллионов пенсионеров, инвалидов, ветеранов войн и других подобных групп населения проявились буквально на следующий день после вступления в действие в начале 2005 года Федерального закона № 122-ФЗ от 22.08.2004 г. В ряде крупных городов (прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге) прошли массовые выступления пожилых людей. Почему это произошло?

Дело даже не в неэквивалентном обмене натуральных льгот на деньги, а в обстоятельствах, ударивших по массовым представлениям о социальной справедливости.

Прежде всего до людей так и не донесли предварительную информацию об этой реформе. Многие как ни в чем не бывало в день ее начала бесплатно поехали на общественном транспорте, предъявляя свои удостоверения. А их

попросили заплатить за проезд. В Москве, которая оставила своим жителям все льготы в прежнем виде, как оказалось, теперь ветерану из Подмосквья бесплатно не проехать — он как бы чужой. Такая же нестыковка возникла между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью. Для пожилого человека, который привык к сложившемуся порядку жизни, — это сильнейший стресс и оскорбление. Ведь он стал, к примеру, ветераном труда или получил почетный статус труженика тыла в Великую Отечественную войну за заслуги перед страной, а не просто так.

Герои Советского Союза, Герои России и Герои Социалистического Труда, несмотря на предложенные им взамен льгот щедрые денежные выплаты, возмутились и даже угрозили вернуть свои «Золотые Звезды» государству, выйдя для этого на Красную площадь.

Государству пришлось идти на попятную. Из бюджета внепланово выделили деньги для выплат; вне графика повысили пенсии; всем льготникам, ответственность за которых взял на себя федеральный бюджет (Герои СССР, России, Социалистического Труда, инвалиды, участники Великой Отечественной войны и ветераны боевых действий, «чернобыльцы» и многие другие), было дано право выбора между «социальным пакетом» (натуральными льготами) и денежной выплатой.

Так удалось погасить открытое недовольство. Но у власти ожог остался. Слово «реформа» стало непопулярным. Тем более что все это происходило почти одновременно с «оранжевой революцией» в Украине...

А потом была объявлена программа «приоритетных национальных проектов», касающихся здравоохранения, образования, жилья и агропромышленного комплекса (сентябрь 2005 года). Эти четыре сферы получили весьма приличные деньги. Но, объявляя о запуске этих проектов, Владимир Путин подчеркнул, что они не заменяют реформы, а их предваряют. Правда, особых реформ после этого замечено не было. Разве что перевели все деньги на бес-

платную медицину в систему обязательного медицинского страхования и ввели в школах ЕГЭ.

Если говорить о политике, то при помощи этих проектов удалось успокоить людей, которые увидели, что и им достается какой-то кусок из того долларowego дождя, который пролился на страну от продажи нефти и газа. Фактически к концу нулевых в России сложился своего рода общественный договор между государством и народом: власть раздает деньги, получая в обмен политическую лояльность населения.

Именно поэтому люди спокойно отнеслись к переходу контроля государства над многими федеральными СМИ (прежде всего телевидения), к делу ЮКОСа, к фактической ликвидации политической конкуренции и вообще началу тотальной ревизии того немногoго, что было сделано в 90-е для создания современных общественных институтов.

Острота ощущения социальной несправедливости, несмотря на рост имущественного расслоения, не стала доминантой в общественном сознании.

IV

В конце 2007 года Владимир Путин, несмотря на уговоры многих своих сторонников, не стал менять Конституцию ради своего третьего президентского срока и выдвинул на эту должность Дмитрия Медведева. Как только тот занял кабинет в Кремле, грянул мировой экономический кризис, который очень больно ударил по России.

Хочу напомнить, что в 2009 году ВВП нашей страны упал на невиданные с 90-х годов 7,9%²⁵, прежде всего из-за резкого снижения мировых цен на нефть. При этом реальные доходы населения за этот год возросли на 3%²⁶! Десятки миллиардов рублей были выделены на поддержание занятости и предотвращение массовой безработицы. Правительство, воспользовавшись прежде всего накопленными в Стабилизационном фонде резервами,

смогло сделать так, что большинство людей не заметили экономического кризиса.

Хотя именно тогда, в 2008–2009 годы в России высветилась проблема моногородов. Получивший наибольшую огласку случай произошел в городе Пикалёво Ленинградской области. Из-за остановки работы трех основных предприятий, связанных в единую технологическую цепь, сотни работников были уволены, заработную плату перестали платить почти всем, кто в этом небольшом городе работал. Доведенные до отчаяния люди вышли на улицы. Ситуацию смог разрешить только приезд Владимира Путина, который заставил собственников этих предприятий подписать соглашение, предусматривающее возобновление на них работы.

Подобного рода инциденты были отмечены еще в нескольких местах. Это заставило правительство обратить внимание на несколько сот российских моногородов (примерно 300), где социальная ситуация сильно накалилась.

Проблему, как всегда, стали решать при помощи субсидий. Где-то это дало эффект — люди занялись собственным делом или переехали в другую местность, где работа была. Но добраться до корня проблемы — модернизации устаревших производств, что особенно явно как раз в небольших моногородах, так и не сумели.

В своей статье «Россия, вперед!», опубликованной 10 сентября 2009 года, Дмитрий Медведев, в ту пору президент РФ, так обрисовал состояние страны и проблемы, требующие решения:

«Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство, на заграницу, на какое-нибудь “всесильное учение”, на что угодно, на кого угодно, только не на себя? И есть ли у России, перегруженной такими ношами, собственное завтра?»

...Мировой экономический кризис показал: дела наши обстоят далеко не самым лучшим образом. Двадцать лет

бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости. Наша теперешняя экономика переняла у советской самый тяжёлый порок — она в значительной степени игнорирует потребности человека. Отечественный бизнес за малым исключением не изобретает, не создает нужные людям вещи и технологии. Торгует тем, что сделано не им, — сырьем либо импортными товарами. Готовые же изделия, произведенные в России, в основной массе пока отличаются крайне невысокой конкурентоспособностью.

Отсюда и большее, чем у других экономик, падение производства во время нынешнего кризиса. И запредельные колебания фондового рынка. Все это доказывает, что мы сделали далеко не все необходимое в предшествующие годы. И далеко не все сделали правильно»²⁷.

Это была своеобразная заявка на реформы, которые вольно или невольно меняли суть негласного общественного договора между государством и обществом, который сформировался при Владимире Путине.

Однако давно назревшая потребность в реформах была нейтрализована прежде всего очень быстро начавшимся восстановлением цен на нефть и соответственно экономическим ростом. В 2010 году ВВП (в текущих ценах) вырос на 19%, а в 2011 году — на 21%²⁸! А реальные доходы населения в 2010 году выросли на 5,9%, а в 2011 году — на 6,4%²⁹. О каких же реформах можно было вести речь? Ни о каких. Казалось, что все выправилось, «социальный рай» нулевых будет продолжаться еще много лет и никакая медведевская модернизация никому не нужна.

Завершила все это знаменитая «рокировка» сентября 2011 года, которая, собственно говоря, и завершила социально благополучные нулевые годы.

А тем временем недореформированность экономики и общественно-политических институтов, боязнь изменений привели к очевидному системному кризису, который мы переживаем...

Часть 3

Социальная жизнь

в условиях экономического застоя

I

Начало окончанию благополучных нулевых было положено в 2008-м, а точнее в ночь на понедельник 15 сентября того года, когда было объявлено о банкротстве одного из ведущих американских инвестиционных банков Lehman Brothers. Это далекое от нас географически событие спровоцировало по принципу домино крупнейшее падение всех мировых экономических индикаторов. Для России это отразилось прежде всего в цене на нефть. Буквально за пару месяцев до этого, в июне, она достигла своего исторического максимума — 140,44 долл. за баррель нефти марки Brent. В сентябре она стоила уже 99,45, а в декабре скатилась до 40,11 долл.! Более чем трехкратное падение всего за полгода³⁰.

Естественно, что в конце 2008 года в России начали ощущаться признаки экономического кризиса. Уже в IV квартале физический объем ВВП по сравнению с таким же кварталом 2007 года показал отрицательную динамику. Во II квартале 2009 года падение составило уже почти 12%³¹. А что же произошло с реальными доходами населения?

В IV квартале 2008 года они упали на 6,1% по сравнению с таким же периодом 2007-го, однако по итогам всего года возросли на 2,4%. В 2009 году (хотя в I и III кварталах было зафиксировано падение) итоговый прирост составил 3%³².

За счет чего удалось добиться такой в целом позитивной динамики? Давайте вспоминать.

В 2009 году пенсии повышались четыре раза:

— с 1 марта увеличена на 8,7% базовая часть трудовой пенсии, пенсий по государственному пенсионному

обеспечению и социальных выплат, зависящих от размеров базовой части трудовой пенсии;

— с 1 апреля страховая часть трудовой пенсии увеличена на 17,5 %;

— с 1 августа страховая часть трудовой пенсии увеличена на 7,5 %;

— с 1 декабря произошло увеличение размеров базовых частей трудовой пенсии и всех пенсий по государственному пенсионному обеспечению на 31,4 %.

В результате в 2009 году обеспечен реальный рост пенсий. При росте потребительских цен за 2009 год на 8,8% суммарный коэффициент индексации базовой части трудовой пенсии составил около 43%, страховой части трудовой пенсии — 26,3%³³.

С 1 января 2010 года было произведено увеличение размеров трудовых пенсий путем валоризации, в результате чего увеличение среднего размера трудовой пенсии по старости составило около 1100 руб.

А с 1 апреля того же года проведена индексация трудовых пенсий на 6,3%. Средний размер трудовой пенсии по старости увеличился на 477 руб. и составил 8169 руб. С начала 2010 года увеличение среднего размера трудовой пенсии по старости составило 1539 руб., или 23,2%³⁴. Кроме того, из федерального бюджета было выделено регионам несколько десятков миллиардов рублей на поддержание занятости (выплаты зарплаты тем, кого работодатели хотели увольнять из-за нехватки денег, выполнение общественных работ и т.п.).

Это стало возможным в том числе благодаря накопленным на тот момент средствам в Стабилизационном фонде. 1 сентября 2008 года в нем было 3,5 трлн руб.³⁵

Казалось бы, пронесло и социальный рай нулевых устоит. Тем более что в 2011–2012 годах экономический рост возобновился, и это позволило наращивать (пусть не так быстро) основные параметры уровня жизни. Так, в частности, реальные доходы населения подросли за эти два года более чем на 5%³⁶.

Однако итоги 2013 года сильно встревожили тех, кто следил за социально-экономической ситуацией в стране. При цене нефти марки Brent свыше 100 долл. за баррель, в благоприятной внешнеполитической обстановке (открытая стадия украинского кризиса, вызвавшая санкции в отношении России, началась только в 2014 году) физический объем ВВП вырос всего на 1,3% по сравнению с предыдущим годом³⁷. Причиной такого фиаско, как стало для многих очевидным, стала сложившаяся в России к тому времени экономическая модель. Ее основной чертой является прямой или косвенный контроль государства над всеми наиболее значимыми активами, из чего следует:

— сведение настоящей, а не притворной конкуренции только до очень немногих сфер экономической жизни;

— сращивание бизнеса с государственным аппаратом, что с неизбежностью рождает системную коррупцию;

— отсутствие независимой судебной ветви власти, а значит, правовой произвол по отношению к частному бизнесу;

— недружественный инвестиционный и предпринимательский климат.

В просторечье ситуация, когда цены на нефть и другое экспортное сырье уже никак не влияют на состояние экономики, называется «не в коня корм».

В 2014–2015 годы вдобавок ко всем системным бедам снова произошло падение мировой цены на нефть (а потом и на газ), были введены санкции в отношении России. В результате просели и основные экономические параметры. В 2014 году физический объем ВВП увеличился всего на 0,7%, а в 2015-м снизился на 3,7%³⁸.

С ноября 2014 года начался идущий до сих пор (я пишу эти строки в сентябре 2016 года) процесс неуклонного, ежемесячного снижения реальных доходов населения³⁹. И если падение реального содержания средней зарплаты началось также в конце 2014 года⁴⁰, то в 2016 году впервые произошло официально заявленное снижение реального размера пенсий⁴¹.

В эти же годы вполне явственно проявилось и желание государства как-то «оптимизировать» расходы на медицину и образование, что вылилось в массовое закрытие (через слияние) больниц и поликлиник, общеобразовательных школ. Вот что по этому поводу отметила Счетная палата, подводя итоги 2014 года: *«Проверки показали, что какие-либо рекомендации в части порядка проведения оптимизации министерствами не разрабатывались. Предварительное территориальное планирование в каждой сфере, анализ сети государственных и муниципальных организаций и их деятельности не проводились».*

Количественные изменения в численности образовательных, медицинских организаций, учреждений культуры, организаций социального обслуживания и отдельных категорий работников проводились без учета социальных нормативов и норм, утвержденных Правительством. Изменения в социальные нормативы и нормы в отдельных сферах не вносились с 1996 г. В результате регионы проводили оптимизационные мероприятия без методического сопровождения со стороны федеральных органов исполнительной власти.

Несмотря на то что «оптимизация» предполагает действия, при которых достигается наилучшее состояние системы в целом, комплекс проведенных мероприятий в основном ограничен только мерами по сокращению объектов, их реорганизации или сокращению численности работников, что в итоге привело к снижению доступности услуг и ухудшению результатов деятельности государственных и муниципальных организаций, в первую очередь проявляющихся ухудшением качества образования, ростом на 3,7% числа умерших в стационарах, увеличением на 2,6% внутрибольничной летальности больных, ухудшением качества жизни населения»⁴².

С такими показателями на смену социально благополучным нулевым годам пришли депрессивные 2010-е.

II

Про архаичную экономическую модель, которая бревном легла поперек российского развития, я выше упомянул. А как именно эта модель разлагала ткань социальных институтов? Ведь не может быть такого, чтобы в крупнейших сферах жизни общества (а я бы добавил здесь к экономике государственное управление и в целом политическую систему) наблюдался застой и даже деградация, а «социалка» процветала.

Возьмем, например, рынок труда. В предыдущем очерке я отметил, что миной, заложенной под российское благополучие, достигнутое в нулевые, стала несостоявшаяся структурная перестройка экономики. Это привело к очень высоким различиям в заработной плате между отраслями, что в конечном счете и предопределило такую степень социального расслоения, которая подавляющим большинством общества воспринималась как несправедливая.

В 2010-е, в условиях экономического кризиса, казалось, что наконец наступило время, когда никуда не деться от закрытия «плохих» (то есть производящих неконкурентную продукцию и, как следствие, генерирующих низкую зарплату) рабочих мест. Вместо них к 2020 году должны появиться, как закреплено в указе Владимира Путина от 7 мая 2012 года, «25 миллионов высокопроизводительных рабочих мест»⁴³. Но сейчас, на исходе 2016 года, уже понятно, что такая задача выполнена не будет.

Косвенным признаком этого является неблагоприятная динамика такого показателя, как производительность труда. В 2012 году этот параметр увеличился на 3,5%, в 2013-м — на 1,8%, в 2014-м — на 0,9%, а в 2015 году зафиксировано падение на 3,2%⁴⁴.

Кроме того, все эти годы на очень низком уровне остается безработица — 5–6% (по методологии Международной организации труда)⁴⁵. А ведь логично было бы предположить, что обещанные радикальные изменения на рынке

труда должны на первом этапе привести к значительному увеличению числа людей, уволенных с «плохих» рабочих мест. На следующем этапе, если грамотно подойти к структурной перестройке экономики, эти люди должны занимать открывающиеся «хорошие» места. Но для этого многих из них надо переучить, помочь переехать в другой регион и т.п., что занимает время, в течение которого число безработных должно серьезно возрасти.

Ну и, конечно, важно отметить более фундаментальную причину, почему российский рынок труда остается неэффективным и в экономическом, и в социальном смыслах. Это снижение объема инвестиций в основной капитал, которое началось в 2014 году — на 1,5%, в 2015-м — еще на 8,4%. Эта тенденция наблюдается и в 2016 году⁴⁶.

А если уж копнуть совсем глубоко, то окажется, что все дело в состоянии базовых институтов российского общества — государственного управления, судебной системы, правоохранительных органов.

Как отразился кризис на здравоохранении? Как только начались очевидные экономические и финансовые проблемы, государство приступило к планомерному снижению расходов на эти цели⁴⁷. Но главное пока не это. Более важно то, что нас всех пытаются отучить от помощи государственных поликлиник и больниц, а точнее — от бесплатной медицинской помощи. Тут используется и так называемая оптимизация сети (см. упомянутый выше доклад Счетной палаты), и ползучий перевод ранее бесплатных услуг в статус платных.

Да, счет за какой-то особый анализ крови выглядит пока весьма скромно (100–200 руб.), но сам факт, что человек за него заплатил, банализирует подобную практику. А уж если речь идет о серьезной операции, то сделать ее за счет бюджетных квот становится все сложнее. Претенденты на них выстраиваются в длинные очереди (по-современному называемые листами ожидания). При этом уже сформировано общественное мнение, что бесплатно — это плохо и надо либо «отблагодарить» врача, либо просто-напросто,

плюнув на очередь, официально заплатить и тебе все сделают быстро и качественно.

В принципе такое поведение людей во взаимоотношениях с государственной медициной не вызывало больших проблем в благополучные нулевые, когда доходы населения быстро росли. Это во многом предопределило начавшееся уже тогда замещение бесплатных услуг платными, инициированное и самой системой здравоохранения, которая всегда нуждается в деньгах. Люди довольно активно обращались за медицинской помощью (или покупали ее). Плюс к этому приоритетный национальный проект «Здоровье» при всех своих недостатках все-таки помог нарастить материально-техническую базу поликлиник и больниц. В результате за эти годы улучшилось состояние здоровья россиян, снизилась смертность (прежде всего младенческая), увеличилась средняя продолжительность жизни.

Но с началом экономически сложных 2010-х покупать медицинские услуги стало тяжелее. Да, конечно, когда болеет ребенок или взрослому становится немого, то деньги наскребаются: используются семейные накопления, люди залезают в долги, в конце концов продают машины и квартиры.

Кстати, обратите внимание, сколько в России в последние годы появилось благотворительных фондов, специализирующихся на оплате дорогостоящего лечения детям. Этим благородным делом занялись известные артисты, медийные персоны, которые пользуются своим именем для получения пожертвований, прежде всего от бизнеса. Объяснений этому феномену много. Одни говорят, что российская общественная жизнь начала приобретать цивилизованные черты — ведь на Западе благотворительность и меценатство — норма жизни. Но другие утверждают — и мне ближе эта позиция: общество просто вынуждено браться за функции, с которыми не справляется государство, забывшее, что согласно статье 41 Конституции России «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская

помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений»⁴⁸.

В результате значительная часть людей — как в городах, так и в селах — начинает отказываться от обращения к официальной медицине (как государственной, так и частной). В качестве паллиатива выступает самолечение, обращения к разнообразным целителям, знахарям и т.п.⁴⁹ Эта набирающая силу тенденция не может не повлиять на состояние здоровья населения.

Конечно, в нынешние времена очень важны тракторки. Есть такая позиция, что любое, даже самое богатое общество не может полностью обеспечить медицинскую помощь за счет собираемых налогов и обязательных страховых взносов. Но в мировой практике есть примеры стран, где этот принцип соблюдается в высокой степени: Великобритания, Канада, Италия, Израиль, Испания, Южная Корея, Австралия, Япония, Швейцария, ряд скандинавских стран. Эти страны входят в число лучших с точки зрения эффективности работы системы здравоохранения. Россия же в этих рейтингах занимает места в самом низу⁵⁰.

Неэффективность государства в этой сфере приводит не только к тому, что людей обрекают на архаичные формы охраны здоровья, но и на отказ даже от этого. Проблема в том, что состояние здоровья населения является важнейшим элементом «человеческого капитала», без высокого качества которого нам никогда не построить конкурентную экономику и благоприятную социальную среду.

Как известно, в кризисные времена спасают самое ценное. Например, в 2009 году, когда в США разразился экономический кризис, который некоторые даже сравнивали с Великой депрессией 1929–1933 годов, президентом Обамой был инициирован план, предусматривающий увеличение финансирования образования и здравоохранения. Это нисколько не помешало США достаточно

быстро выйти на траекторию стабильного экономического роста.

И на этом примере мы видим, как нынешнее российское государство, напрочь потерявшее навык профессионально оценивать не только долгосрочную, но уже и среднесрочную перспективу, своими действиями содействует только углублению системного кризиса.

Очень хорошо это видно и при анализе того, что происходит с российскими пенсиями. В предыдущем очерке я описал планы, связанные с запущенной в 2002 году пенсионной реформой, и действия, которые буквально через пару лет начали эти планы коренным образом менять. В результате уже на излете благополучных нулевых пенсионное будущее тогдашних молодых работников начало смотреться не очень радужно. Но окончательно перспективу сформировали два действия уже этого десятилетия: 1) теперь уже четырехлетняя «заморозка» перечисления 6% от заработной платы на обязательные накопительные пенсионные счета работникам; 2) введение с 2015 года так называемой балльной системы исчисления страховых пенсионных прав.

Фактическая отмена обязательного накопительного элемента означает не только бессилие государства в эффективном решении пенсионной проблемы, но и — вольно или невольно — курс на возвращение к советской системе социального обеспечения пожилых, когда царила уравниловка за счет бюджета. Мне могут возразить: тогда на 120–132-рублевую пенсию можно было прожить. И я с этим в целом соглашусь. Действительно цены и тарифы, установленные государством, были очень низкими.

Однако на эти цены и тарифы в большинстве случаев надо смотреть с точки зрения доступности товаров и услуг. А здесь все было далеко не в порядке. Чтобы достать, например, остродефицитные колбасу или сыр, приходилось кратно переплачивать. А многие ее не ели вообще, питаюсь в основном хлебом, картофелем, крупами, разлив-

ным молоком, а курятину, свинину и тем более говядину выставляли на стол по праздникам. Мясо можно было, конечно, купить на «колхозном» рынке, но далеко не по тем ценам, которые устанавливало государство. То же самое и по одежде, обуви, предметам гигиены. Кто постарше, помнят очереди за туалетной бумагой, которую счастливицы потом несли домой в виде гирлянды на шее. Так что тогдашняя покупательная способность пенсий была в значительной степени преувеличенной.

И еще один факт, на который мало кто обращает внимание: в Советском Союзе было в целом молодое население — прежде всего за счет республик Кавказа и Средней Азии. Поэтому и пенсионная нагрузка на бюджет была относительно небольшой. Я бы даже предъявил сейчас советскому руководству претензию: при такой демографической ситуации они могли платить пожилым людям и побольше, чем 120–132 руб. в месяц. Но тогдашнее государство было ориентировано не на решение социальных проблем, а прежде всего на геополитические битвы — шла борьба «двух систем», которая требовала уйму денег на военные расходы, внутреннюю безопасность, безвозмездную поддержку «друзей» за рубежом...

Сейчас же возвращение от страхового к бюджетному финансированию пенсий создает еще более худший контекст, чем это было в «благословенное» советское время.

Во-первых, демографическая картина уже не та: на 40 миллионов российских пенсионеров приходится лишь 85 миллионов людей трудоспособного возраста⁵¹, из которых лишь 71 миллион человек экономически активны (включая безработных)⁵². При этом все прогнозы показывают, что это соотношение в ближайшие лет 10 будет только ухудшаться, как, собственно, и в большом числе государств мира, в том числе и благополучных. Поэтому государству, ликвидирующему страховую пенсионную систему, сердцевина которой — накопительный компонент, придется заниматься уравниловкой: те, кто зарабатывает побольше, будут

финансировать весьма скромное пенсионное будущее тем, у кого зарплаты маленькие. Понравится ли это тем, кто побогаче? Ответ очевиден.

Во-вторых, системный кризис, в который всерьез и надолго вползла Россия, в частности, не позволяет расшевелить и экономику. Приток денег и в бюджет, и в Пенсионный фонд (если он будет оставаться как финансовый мешок) будет в лучшем случае стабильным. Но даже эта стабильность означает снижение среднего размера пенсий (см. предыдущий пункт о демографической ситуации и старении населения).

И вот тогда у десятков миллионов человек (не только пенсионеров, но и у их детей и внуков) вновь обострится чувство социальной справедливости. Ведь равенство в бедности в такой потенциально богатой стране, как Россия, в мирное время кажется противоестественным.

Это ощущение вполне может появиться и у молодых в связи с их пенсионным будущим. Речь идет о введенной в 2015 году балльной системе начисления пенсионных прав, которые потом, после выхода на заслуженный отдых, конвертируются в денежные выплаты.

Целью этой реформы, попросту говоря, является сведение концов с концами в дефицитном Пенсионном фонде. Теперь вместо конкретных рублей, уплаченных за работника его работодателем, на страховой индивидуальный счет приходят некие баллы. Их стоимость определяется жестоким фискальным путем — отталкиваясь от доходов, собранных Пенсионным фондом в истекшем году. По этому поводу ежегодно издается специальное постановление федерального правительства.

Возьмем для сопоставления уже установленные стоимости пенсионного балла на 2015 и 2016 годы. Это соответственно 71,41 и 74,21 руб.⁵³ Нетрудно подсчитать, что рост составил 3,9%. При этом инфляция в 2015 году составила 12,9%⁵⁴. Мы видим очевидные потери для начисления будущих пенсий.

III

Отдельно хотел бы сказать и еще об одной тревожащей черте российской социальной жизни времен экономического застоя — об отсутствии в стране единого социального пространства. Известный российский специалист по региональной экономике Наталья Зубаревич в 2011 году в своем исследовании, основанном на ряде показателей социально-экономических процессов, констатировала, что в нашей стране образовались «четыре России», каждая со своим оригинальным жизненным укладом и набором характерных особенностей⁵⁵:

1-я — большие города (примерно 21% населения страны) с проходящей там постиндустриальной модернизацией, концентрацией среднего класса и притоком мигрантов из периферии;

2-я — средние промышленные города (около 25% населения России), где еще силен «дух советского образа жизни» и ценностей;

3-я — села, поселки и малые города (около 38% населения страны), для которых характерны процессы депопуляции и старения населения, люди выживают «на земле»;

4-я — республики Северного Кавказа и юга Сибири (6% населения), где существование поддерживается во многом за счет федеральных трансфертов.

В каждой из этих «Россий», добавлю от себя, есть своя социальная специфика, вытекающая прежде всего из структуры местной экономики. Большие города живут уже во многом по европейским представлениям о работе и достатке, а вот третья и четвертая России все еще находятся в XX, а кое-где и в XIX веке. Различия не только количественные, но и качественные, цивилизационные.

Но вот прошли четыре года с момента публикации упомянутого исследования, и Наталья Зубаревич пришла к выводу, что ее «центро-периферийная модель» временно

умерла», о чем она заявила в декабре 2014 года, отвечая на вопросы «Новой газеты»⁵⁶:

« — Нет ли ощущения, что в условиях нынешнего «патриотического» психоза вместо «четырех России», описанных вами, установилась одна?

— В принципе я с вами согласна. Вопрос: какой длительностью мы оперируем? Четыре России — это модель рационалистическая и долгоиграющая, но никто не отменял ситуаций особых мобилизаций, которые основаны на резкой активизации разных фобий и комплексов. Страну охватил классический постимперский синдром, который она не пережила полностью в 90-е годы. Отменить его невозможно, через это надо пройти. Роль образования, степени модернизированности ценностей и образа жизни людей могут проявиться только в одном — кто-то будет немного быстрее из него выходить, а кто-то помедленнее. Вот и все.

Пока же, начиная где-то с февраля-марта 2014 года, «четыре России» отменяются. Когда мы на эту кнопку сможем опять надавить? Я полагаю, что в 2015–2016-м уже чуть-чуть получится.

— А что позволит это сделать? С включением каких механизмов это может быть связано?

— С включением «рацио»...

— Начнет побеждать «партия холодильника»?

— Экономика вообще имеет свойство отрезвлять, так устроен мир. Я пока не понимаю, как долго все это можно будет списывать на врагов. Ведь это очень удобно: мы ни в чем не виноваты, мы замечательные, кругом враги, и потому нам сейчас сложно. В принципе это может продолжаться долго. Но когда все время кругом враги, а у тебя все меньше денег, — наступает момент, когда ты задаешь вопрос: «Ну а власть-то что делает? Что-то ведь она должна делать?»

Когда этот вопрос будет задан, сказать трудно. Ведь никто из нас не мог предугадать блестящего, высокопрофессионального уровня пропаганды, который демонстри-

руют наше доблестное телевидение и прочие к этому приставленные. Пропаганда точнейшим образом нашла все болевые точки и ударила по ним. Мы это недооценили. Теперь будем умнее. Мы уже знаем эти болевые точки: чувство ущербности, ощущение утраты того, что мы крутые и нас все боятся; комплекс неполноценности и одновременно ощущение, что мы самые лучшие. Кроме того, более десятка лет до нынешних событий оживлялся образ Великой Отечественной войны...»⁵⁷

Но такая консолидация раздробленного российского общества недолговечна. Как показывают социологические исследования, эффект от «крымского» и «новоросского» синдромов постепенно проходит. И снова на первый план выходит разорванность социального пространства.

Достаточно сказать, что среднедушевые денежные доходы населения отличаются в разных субъектах РФ почти в пять раз⁵⁸. Конечно, трудно сравнивать полюса — Ямало-Ненецкий автономный округ и Ингушетию, но все-таки, несмотря на разные потенциалы развития экономики, такие различия присущи скорее странам бывшего третьего мира и никак не державе, претендующей на статус великой.

Различаются регионы и по расходам на здравоохранение в расчете на душу населения: разница достигает семикратного размера⁵⁹. А ведь, казалось бы, степень развития экономики здесь должна быть ни при чем: Конституцией гарантирован равный доступ граждан России к здравоохранению независимо от места жительства. Конечно, и тут можно сослаться на объективные обстоятельства, например демографические особенности различных территорий. Но семикратную разницу никакими объективными обстоятельствами объяснить нельзя.

Ведь страну должны скреплять не только общий язык, история и культура, но и сопоставимые условия жизни людей. Ответственное государство пытается различия, если они общественным сознанием воспринимаются как чрезмерные и несправедливые, как-то нивелировать за

счет экономической и социальной политики. У нас, увы, это не так.

Например, объявленное сокращение государственных расходов на здравоохранение в 2017 году⁶⁰, если оно состоится, еще более увеличит пропасть в доступности и качестве медицинского обслуживания и между регионами, и между различными социальными группами.

IV

2016-й стал годом, когда дефицит средств у нашего государства привел к открытому наступлению на уровень жизни населения.

Перечислю только некоторые его признаки:

— переход к кадастровой оценке стоимости недвижимости и, как результат, резкий рост налога на квартиры и дачи;

— отказ от ежегодной индексации пенсий работающим пенсионерам;

— сокращение числа занятых в здравоохранении и образовании, для того чтобы оставшимся там работникам поддерживать зарплату, исходя из требований майских (2012 года) указов президента;

— отмена максимального размера заработка, с которого работодатель платит взносы в систему обязательного медицинского страхования. Естественно, что дополнительные издержки бизнеса переносятся в цену выпускаемой им продукции и расплачиваться за это приходится нам, покупателям;

— введение платы для дальнбойщиков за пользование федеральными трассами отразится на кошельках покупателей;

— предоставление региональными властями права отмены ряда местных социальных льгот и пособий⁶¹.

И что же наше «население»? Как оно отреагировало на это наступление на свои кошельки? За исключением ред-

ких локальных конфликтов, никак. Как говорится в финале трагедии Пушкина «Борис Годунов», «народ безмолвствует». Если обратиться к социологическим замерам Левада-Центра, то в октябре 2016 года 55% опрошенных считали, что страна идет в правильном направлении⁶².

Объяснений этому феномену много. Назову лишь некоторые из них.

1. Прежде всего большинство людей еще не ощутили в своей будничной жизни наступление по-настоящему жестких времен, когда реально не хватает денег на обеспечение даже самых элементарных своих потребностей. За чертой официальной бедности у нас по итогам 2015 года находилось менее 15% населения⁶³. В конце 2016 года этот показатель немного подрос, но он все равно охватывает очевидное меньшинство семей. При этом летом 2016 года 41% опрошенных признало, что им не хватает денег на еду и одежду⁶⁴. Речь в данном случае, скорее всего, идет не о крайней степени бедности, а об ощутимом снижении стандартов жизни. Если раньше эта когорта, посещая магазин, в своей массе покупала сыр, который нравится, то теперь тот, который подешевле. Если раньше эти люди могли себе позволить покупать обувь раз в квартал, то теперь вынуждены это делать раз в год. А действительно бедствуют, как показал все тот же опрос, примерно 10% семей.

2. Не потеряв пока всего накопленного в годы «социального рая» нулевых люди лелеют надежду на то, что вот-вот кризис закончится и снова начнется рост. Этому всячески способствуют как контролируемые государством СМИ (особенно федеральные телеканалы), так и наши официальные лица, которые утверждают, что мы «достигли дна». Логически рассуждая, рядовой россиянин должен предположить, что от этого дна мы сразу же оттолкнемся. Но далеко не все читают официальные прогнозы. Например, в октябре 2016 года Минэкономразвития отправило в Минфин свой прогноз развития экономики до 2035 года⁶⁵, в котором на ближайшие 20 (!) лет в качестве базового взят

сценарий с ежегодными темпами роста ВВП менее 2%. Динамика роста реальных доходов большинства населения становится очевидной. Это стагнация, а возможно, и дальнейшее их снижение у большинства. Так что никакого «русского чуда» не случится, если, конечно, мы наконец не начнем настоящую, а не имитационную модернизацию всех сфер жизни страны.

3. Безальтернативность политической жизни, когда фактически нет сколько-нибудь значимой легальной оппозиции и возглавляющих ее харизматических фигур, вынуждает людей и во время выборов, и в будничной жизни связывать свои жизненные перспективы со старыми лицами и партиями типа «Единой России». Это куда проще и безопаснее организации митингов и демонстраций — чему, кстати, наш народ никак не обучен.

Однако как же тогда повлияет обозначившееся падение уровня жизни большинства населения на результаты грядущих президентских выборов 2018 года? Видимо, власть рассчитывает на то, что 86-процентная популярность Владимира Путина позволит нейтрализовать протестные настроения. Скорее всего, так и будет.

Каким бы ни был исход выборов, думаю, стоит попытаться набросать эскиз ситуации в основных областях социальной жизни России в перспективе заявленных Минэкономразвития 20 лет. Какие тенденции уже оформились, нужно ли их менять? Об этом и поговорим в заключительном очерке.

Часть 4 «Россия во мгле»-2?

I

Вынесенная в заголовок фраза отсылает нас к названию знаменитой книги Герберта Уэллса, написанной под впечатлением его поездки в Россию в 1920 году. *«Основное наше впечатление от положения в России, — пишет он, — это картина колоссального непоправимого краха. Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию. Насквозь прогнившая Российская империя — часть старого цивилизованного мира, существовавшая до 1914 года, — не вынесла того напряжения, которого требовал ее агрессивный империализм; она пала, и ее больше нет»⁶⁶.*

Казалось бы, что может сейчас напоминать ситуацию почти столетней давности? Страна в кризисе, но это не катастрофа. Исправно ходит общественный транспорт, в дома подается электроэнергия, магазины полны товаров, люди ходят в кафе, аэропорты открыты... Конечно, это никак не напоминает разруху 1920 года. Но Уэллс сравнивает увиденное с 1914 годом. Попробуем и мы сопоставить нынешние времена с тем же 1913 годом, что было традицией советского экономического анализа.

Например, Счетная палата пересчитала дореволюционные заработные платы в рублях на 2010 год. Дворник в 1913 году получал 18 руб. в месяц, что в переводе на нынешний

рубль составляет 27 242 руб. Красильщику тканей платили 27,9 руб. (42 234 современных рубля). Околоточный надзиратель, то есть современный участковый полицейский, жил на жалование в 50 руб. (75 688 наших рублей). Слесарям платили 56,8 руб. (85 981 современный рубль). Чиновники среднего класса могли рассчитывать на 62 руб. (93 853). Зарботная плата учителя гимназии могла составлять 85 руб. (128 669). На 325 руб., или 491 тыс. руб., мог рассчитывать полковник в царской армии⁶⁷. Сравнение денежных доходов и цен на основные товары тогда и сегодня показывает, что представители городских профессий, начиная с определенного уровня, были во многих случаях лучше обеспечены, чем их коллеги сегодня. Но вот крестьяне, доля которых в населении России составляла в ту пору чуть не 85%, действительно ели в основном хлеб, крупы и картошку, что и придавало тогдашней России образ бедной страны.

Однако тут нужно сделать важное уточнение: Россия конца XIX — начала XX века демонстрировала поразительную экономическую и социальную динамику в отношении всех слоев населения (в том числе и крестьян). Начинали давать плоды реформы Александра II, которые не были повернуты вспять Александром III. Россия совершала цивилизационный прорыв в Европу, завершить который помешал политический консерватизм Николая II, отказавшегося ввести хотя бы частично конституционную монархию. Позволив в 1906 году народу избрать Государственную думу, он через 72 дня ее распустил. И хотя потом этот протопарламент еще три раза по царской милости избирался, никакого значения для выбора курса развития страны этот орган не имел.

В результате после периода довольно быстрого движения вперед Россия «внезапно» попала в катастрофу 1917 года.

Нынешняя Россия после распада СССР тоже начала реформы, которые, вызвав сначала экономический и социальный обвал, в конечном счете, ввиду нефтегазового бума нулевых, позволили построить островки рыноч-

ной экономики и достигнуть, как утверждают, невиданного в истории страны материального благополучия. Думаю, что если бы Герберт Уэллс посетил Москву и Санкт-Петербург в 2008 году, он не был бы разочарован жизнью в столицах, как это произошло с ним в 1920 году.

К счастью, нынешняя Россия после 2008 года не втянулась в очередную мировую войну, не переживала потом революцию и кровопролитную Гражданскую войну. «Всего лишь» упали цены на нефть и газ. Но этого оказалось достаточно, чтобы мы втянулись в ползучий экономический и социальный кризис, которому не видно конца. Уэллс, если бы он побывал у нас осенью 2016 года, конечно, не стал бы писать о «грандиозной катастрофе», которая случилась всего за восемь лет. Хотя писатель был человеком серьезным и глубоким исследователем, который наверняка изучил бы перед своим визитом всю информацию о положении дел в России и, скорее всего, не нашел бы оснований для оптимизма.

II

Герберт Уэллс назвал В.И. Ленина «кремлевским мечтателем», потому что, оказавшись в разоренной Москве, он не поверил грандиозным планам вождя русской революции. Но Ленин мог похвастаться по крайней мере планом ГОЭЛРО, что по тогдашним временам выглядело как претензия на промышленную революцию. И, конечно, не надо забывать, что большевики в тот момент искренне верили в близкое коммунистическое будущее.

А что сейчас мог бы сказать наш президент о перспективах России? Добиться ежегодного 4-процентного роста ВВП? Но без достаточно радикальных реформ не только в экономике, но и в госинститутах это невозможно. О том, что Россия станет мировым духовным лидером? Боюсь, что все свелось бы к «скрепам» и «традиционным ценностям».

Но, может быть, ухо европейца для улавливания наших смыслов и не приспособлено? Тогда попробуем сами разобратся: чего мы, граждане России, хотим от себя и своего государства?

И вот тут я хотел бы высказать, видимо, малопопулярную мысль, которая мне кажется скорее антипопулистской. Дело в том, что направление движения любого общества выбирает не народ, а довольно узкий слой элиты. Причем в каждой стране эта элита бывает разного состава.

Например, в Латинской Америке традиционно сильна роль армии. И мы видим, как именно военные на протяжении XIX–XX веков совершали перевороты в Аргентине, Бразилии, Чили, Боливии, Мексике. Сейчас, уже в XXI столетии, вероятность такого события там сведена практически к нулю. Практически везде победила демократия, которая, правда, заболела левизной в духе венесуэльца Чавеса и боливийца Моралеса, но это пройдет. На этом континенте идет процесс формирования интеллектуальной элиты (ученые, эксперты, мыслители, ответственные политики), которая уже определила путь развития: европейский, если, конечно, следовать не географической, а ценностной логике.

В странах Ближнего Востока, Азии большую роль всегда играла государственная элита — люди, окружающие сюзерена (императора, короля, шаха, эмира). Возьмите, например, Саудовскую Аравию и другие экономически успешные страны Персидского залива.

Ну а в наиболее развитых странах Европы и Северной Америки сначала, на ранних стадиях становления современных государств, значительную (а иногда и определяющую) роль играла бизнес-элита — представители банковских и промышленных кругов. Потом, по мере взросления институтов демократии, стало расти значение элиты интеллектуальной, которая облагораживала изъяны капитализма и производила значительную часть кадров профессиональных политиков. Значительно увеличилась роль СМИ и общественного мнения, где появились

весьма влиятельные, хотя и неформальные фигуры. Кстати, неприятный для многих феномен Трампа показывает, что интеллектуальная элита может и «давать слабину». Однако кризис, как известно, это не только бедствие, но и хороший повод к обновлению прежней системы.

Я не хочу никоим образом представить народ в виде глупого стада, которое окормляют избранные пастыри. Но история, в том числе и российская, показывает, что все потрясения и революции, как правило, связаны с внутри-элитными конфликтами.

Например, февраль 1917 года в России. Подрастающая буржуазная элита, воспользовавшись моментом, свергла самодержавие. Монархисты не сумели оказать сопротивление, а широкие массы, еще недавно падавшие ниц перед императором, тут же начали играть в республику. После октября 1917-го победившая кучка большевиков, сумевшая мобилизовать народ, и противники режима «диктатуры пролетариата» сошлись в Гражданской войне с ее многочисленными жертвами.

Перенесемся в 1953 год. Смерть Сталина вызвала неподдельное горе среди подавляющего большинства советских людей. Но всего лишь через три года, когда Хрущев на XX съезде партии разоблачил культ личности, в стране не было замечено никаких волнений.

В августе 1991 года кучка гэкачепистов попробовала взять власть. Неудача этой попытки закончилась внутри-элитным Беловежским соглашением о прекращении существования Советского Союза. И почему-то ни один человек не вышел в Москве на Красную площадь с требованием вернуть СССР.

В октябре 1993 года Ельцин отдал приказ стрелять по зданию парламента, где находились вице-президент России и председатель Верховного Совета страны. А в это время Москва продолжала жить своей жизнью — люди ходили на работу, действовало метро — все как обычно. Только время от времени люди наблюдали за событиями по

телевизору, как будто бы шел увлекательный футбольный матч. Снова мы видим внутриэлитный конфликт.

Сейчас, в ноябре 2016 года, когда я пишу эти слова, народ снова безмолвствует, несмотря на ощутимое снижение уровня жизни, ухудшение доступа к бесплатному качественному здравоохранению. Те знаменитые 86% путинской поддержки, которые фиксируют социологи, значат одно: люди, передоверив ответственность за свою судьбу президенту, продолжают надеяться на то, что этот человек каким-то чудом переломит тенденции. И тогда снова, как это было в годы социального благоденствия нулевых, будут быстро расти зарплаты и пенсии, нашу страну будут бояться (а значит, уважать). Это — при всей внешней благостности — очень мощный вызов нашей правящей элите.

III

Нынешняя правящая элита — это всего лишь несколько десятков человек, участвующих в принятии принципиальных для развития России решений.

Во-первых, она очень небольшая, можно сказать микроскопическая для огромной страны с более чем 145-миллионным населением. Поэтому нынешняя правящая элита носит выраженный столичный (Москва + Санкт-Петербург) характер. Редкие исключения лишь подтверждают это правило.

Во-вторых, она не построена на принципах меритократии, то есть отбора лучших. Попадание в нее возможно через давнее знакомство, землячество, а теперь, скорее всего, и через прямое наследование хлебных мест.

В-третьих, правящая элита негуманитарна. Базовое образование основной ее части — юридически-военное, полученное, как правило, еще в советское время. Даже экономисты встречаются достаточно редко. А вот историки, социологи, политологи, культурологи — практически отсутствуют. Это предопределяет тип мышления — обо-

ронно-технократический, который никак не приемлет тонких материй общественных интересов, подменяя их лоббизмом отраслевых групп за контролируемые государством огромные финансовые потоки: ведь, как отмечается в докладе Федеральной антимонопольной службы, 70% российской экономики прямо или косвенно зависит от государства⁶⁸.

Эти три обстоятельства определяют во многом главную цель правящей элиты — самосохранение в таком качестве. Вот и вся подлинная стратегия развития страны на долгосрочную перспективу. А все публичные программы с громкими декларациями о необходимости инвестиций, поддержке частной инициативы и гражданского общества — не более чем имитация намерений действий. Основные интеллектуальные усилия нынешней элиты и обслуживающих ее экспертов концентрируются на недопущении общественного недовольства, даже если текущая жизнь начала медленно, но неуклонно ухудшаться.

Отсюда — нагнетание антизападничества и «оборонного» сознания, продажа населению ощущения того, что мы «встали с колен» и это важнее достойной пенсии и зарплаты, школы и больницы.

Вместо мирной обывательской жизни, от которой исходит спокойствие и размеренность, чувство уверенности в завтрашнем дне, страну охватывает лихорадка осажденной крепости, массовая истерия и утрата здравого смысла, коллективное безумие.

Исходя из этих обстоятельств, давайте подумаем: что же будет со страной и как будут жить люди в перспективе 10–15 лет?

Конечно, однозначного ответа быть не может. Будущее в значительной, если не определяющей, степени непредсказуемо. Единственное, о чем можно уверенно говорить: тенденции, которые сложились в социальной жизни России в последние годы, очень нелегко будет переломить — такова их природа, в отличие от макроэкономики и даже политики.

Тем не менее попробуем наметить возможные сценарии, которых может быть два: инерционный и реформаторский.

IV

Если думать о первом сценарии — к сожалению, наиболее вероятном, то становится понятным, почему автор вынес в заголовок этого очерка уэллсовское «Россия во мгле».

Можно сколько угодно выстраивать прогностические графики о величине реальных доходов населения России, успокаивая себя тем, что их падение вот-вот закончится, а затем начнется медленный, но рост. Как любят говорить официальные макроэкономисты — «худшее позади, Россия приспособилась к низким ценам на нефть и газ, санкциям». Но дело далеко не в цифрах.

В предыдущем очерке я попытался описать, что сейчас происходит с российским рынком труда. Если повторить коротко, то качество занятости неудовлетворительно — слишком много так называемых плохих рабочих мест. Понятно, что это связано с архаичной структурой экономики, которая не создает высокотехнологических, современных рабочих мест. Какие издержки мы несем из-за неудовлетворительного качества человеческого капитала?

Во-первых, система среднего и высшего профессионального образования готовит в своей массе ненужных специалистов. Полученные знания слишком современны для отсталого рынка труда. Тем самым мы выбрасываем на ветер огромные деньги, идущие на финансирование бюджетных мест в вузах и учреждениях среднего специального образования.

Во-вторых, не находя адекватного спроса на свою «продукцию», система профессионального образования расслабляется и начинает снижать качество подготовки (кстати, и без того во многих случаях низкого).

В-третьих, выходящие на рынок труда молодые специалисты вынуждены очень часто работать не по специальности — хотя бы для того, чтобы заработать себе на кусок хлеба. Это приводит к их быстрой дисквалификации, тем более что в России так и не создана разветвленная и доступная система профессиональной переподготовки и переквалификации.

В-четвертых, растущее ощущение невостребованности вызывает массовые состояния депрессии и апатии, из которых очень трудно выйти.

В-пятых, молодые специалисты, которые хотят получить работу, часто невольно выдавливают на улицу «возрастных» людей, которым 50 и более лет. Это происходит, в частности, посредством зарплатного демпинга — главное, зацепиться за рабочее место, а там можно будет делать карьеру, окупив потери в оплате труда за первые годы занятости.

В конечном счете, продолжается процесс депрофессионализации, когда действительно качественных специалистов — от рабочего до топ-менеджера — становится все меньше, а сеть образовательных учреждений, выпускающих необходимое количество молодых специалистов нужных профессий, еще не воссоздана.

Если сложится ситуация, когда инвестиционный климат в стране улучшится и возникнут современные рабочие места, кто на них будет трудиться?

Ситуацию ухудшает и начавшаяся в мире четвертая (или пятая?) технологическая революция, которая мощно продвигает на рынок труда роботов и безлюдные производства. Но об этом чуть ниже.

Очень важно осознавать, что и здоровье российской нации оставляет желать лучшего. За нулевые, как я отметил во втором очерке, здравоохранение немного выправились в ходе реализации соответствующего национального проекта. Увеличилась и продолжительность жизни. Но по расчетам профессора Сергея Ермакова, «России надо 71 год, чтобы догнать Португалию по продолжительности

жизни населения. Чтобы догнать по этому показателю Францию понадобится 48 лет, в целом Евросоюз — около 40 лет, Болгарию — 18 лет, Беларусь — 5 лет»⁶⁹.

Причем приведенные выше сроки были бы возможны при увеличении вложений в здравоохранение. Но в последние годы тенденция изменилась: вместо роста ожидается в лучшем случае стабилизация государственных расходов на медицину. Поэтому, вероятно, через 2–3 года мы увидим (если статистика не станет лукавой) остановку роста продолжительности жизни, нарастание и без того высокого уровня заболеваемости людей. Так нам даже Беларусь не догнать.

В 2016 году, согласно рейтингу эффективности систем здравоохранения агентства Bloomberg, Россия заняла последнее, 55-е, место среди исследованных стран. Этот рейтинг учитывает расходы на здравоохранение как долю ВВП на душу населения в разных странах с населением от 5 млн человек, стоимость медицинских услуг, продолжительность жизни граждан и ее улучшение в динамике⁷⁰.

При инерционном сценарии есть большие шансы на то, что Россия еще очень долго будет страной с большим и относительно недолго живущим населением.

Но дело не только в образовании и здравоохранении. Отсутствие реформ или невозможность нормального инвестиционного процесса с описанным выше качеством человеческого капитала неизбежно приводит к массовому расширению бедности, что сопровождается растущей маргинализацией общества. Появляется слишком много людей, которые не только, как отмечалось выше, опустили руки и потеряли вкус к жизни, но рассматривают свое девиантное⁷¹ поведение как норму. А это уже прямая угроза существованию любого общества, претендующего на развитие, а не прозябание.

V

Второй, оптимистический, сценарий социальной жизни России, дающий позитивные плоды в обозримой перспек-

тиве, тесно связан с тенденциями, которые намечаются в странах европейского типа.

В российской экспертной среде образ Европы (не в географическом, а в цивилизационном смысле) очень четко распадается на две позиции.

Первая: Европа погрязла в неразрешимых проблемах, быстро деградирует, дряхлеет, и ее ждут какие-то системные катаклизмы. На такой позиции стоят те, кто именует себя государственниками и обосновывает необходимость «особого» российского пути.

Вторая позиция, противоположная: в Европе все отлично, ее институты работают. Нынешние проблемы — это не более чем малозаметная рябь на поверхности воды.

Думаю, что и тот и другой взгляд на Европу неверен (обоснование — ниже), и это пагубно сказывается на выработке стратегических перспектив России. «Государственники» тянут нас в очередной исторический тупик, когда страна, потеряв драгоценное время, окончательно вылетит на обочину мирового развития. Их яростные оппоненты же до сих пор в качестве целеполагания рассматривают образ Европы конца 80-х годов прошлого века, когда разваливался Советский Союз и российской интеллигенции казалось, что через пару-тройку лет мы будем частью тогдашней Европы.

На самом деле повестка дня европейской цивилизации сейчас очень насыщена и напряжена. Запад сильно встревожен появившимся слишком большим разрывом между даже не бедностью и богатством, а между положением среднего класса (особенно его нижней части) и наиболее обеспеченных слоев. И дело здесь даже не в абсолютных цифрах, а в тенденциях. Многие люди — особенно среднего и пожилого возраста — чувствуют, что их жизненная стабильность под угрозой из-за наплыва мигрантов, возможного закрытия старых рабочих мест, которые они занимали, без адекватной для них замены, кризиса пенсионных систем. И вообще из-за того, что вокруг них формируется какой-то другой мир — насыщенный гаджетами, информацией, новыми вызовами, к

которым они не успевают приспособиться. Отсюда — голо-
сование за брекзит в Великобритании, за Трампа в США, за
Марин Ле Пен во Франции.

Тревогу вызывают неясные последствия так называемой
четвертой промышленной революции, которая может прин-
ципиально поменять многие общественные процессы. Сей-
час, как известно, все больше людей становятся занятыми
в нематериальном секторе экономики. Это прежде всего про-
изводство услуг — как для юридических, так и для физиче-
ских лиц. При этом, конечно, возникают риски безработицы и
роста социального неравенства и напряжения ввиду потери
рабочих мест в традиционных секторах «реальной экономи-
ки», о чем сейчас, в частности, в связи с роботизацией и
«Интернетом вещей»⁷² предупреждают многие эксперты.

По крайней мере в нескольких областях адекватный
ответ этим вызовам уже просматривается. Это, например:

- коренные изменения в организации школьного обра-
зования;
- демократизация доступа к качественному высшему
образованию;
- введение института минимального гарантированно-
го дохода.

Если говорить о школе XXI века, то это отмена «классно-
урочной» системы, которая была изобретена еще в глубоком
Средневековье. Тогда учитель изрекал некие истины, а уче-
ники должны были продемонстрировать умение их запоми-
нать. Эффективность образования измерялась количеством
втиснутой в память информации. Сейчас этот подход безна-
дежно устарел: ученик, пользуясь Интернетом, зачастую
знает куда больше фактов, чем учитель. Цель обучения, о
которой уже давно говорят и наиболее известные россий-
ские эксперты, — умение искать нужные знания и их обоб-
щать, делая практические выводы, навыки коммуникаци-
онирования с другими людьми для решения общих задач и т.п.

Есть такое международное исследование PISA
(Programme for International Student Assessment), в котором

каждые три года оценивается качество обучения. Тесты по определению грамотности чтения, математической и естественно-научной грамотности проводятся среди 15-летних школьников по всему миру. И если в 2000 году Россия занимала в этом рейтинге 27-е место, то в 2012-м — 34-е. Результаты исследования 2015 года показывают небольшой прогресс, но принципиально ситуация у нас явно не улучшилась. А тут еще наш долгоиграющий экономический кризис, который съедает и без того скромные расходы на школьное образование: бедственное положение региональных бюджетов общеизвестно. А ведь если мы хотим перейти к современной школе — дополнительные деньги нужны на оборудование, организацию внеклассной работы, переподготовку учителей, обеспечение их достойного социального статуса.

Такой же противоход цивилизационным тенденциям мы видим и в российской высшей школе. Есть группа лидеров, в которых качество образования неплохое даже по европейским меркам. Но большая часть университетов, академий и институтов готовят непонятно кого: и рынок труда XXI века, о котором я упомянул выше, таких специалистов не примет, и для самореализации человека такое образование практически ничего не дает. Ну и, конечно, число мест с бесплатным обучением постоянно уменьшается, в том числе в лучших вузах. Если бы это хоть как-то компенсировалось созданием сети качественных колледжей (техникумов, училищ), то можно было бы действительно сосредоточить высшее образование в немногих лидерских центрах. Но и этого у нас нет. В результате, несмотря на то что Россия скоро перегонит всю планету по числу вузовских дипломов на душу населения, квалифицированного человеческого ресурса для новой модели занятости становится все меньше и меньше.

Интересна тенденция с введением минимального гарантированного (или безусловного базового) дохода. В 2016 году референдум по этой теме прошел в Швейцарии. Он

закончился неудачей для его инициаторов, что неудивительно — предлагалось каждому гражданину этой страны выплачивать ежемесячно, без всяких условий, 2500 швейцарских франков (а это практически столько же долларов США). Это слишком большая сумма для того, чтобы, с одной стороны, не разорить бюджет страны, а с другой — конкурировать на международном рынке труда. Сейчас идет переосмысление итогов, и я практически уверен, через некоторое время пройдет новый референдум с намного более низкими цифрами. Тем более что интенсивное обсуждение идет в Финляндии (там хотят платить несколько сот евро в месяц, при этом отменив все социальные льготы и пособия, кроме пенсий), Канаде. В нидерландском городе Утрехте такой эксперимент уже начался.

С нашей нынешней точки зрения, минимально гарантированный доход — это дикость. Люди, как кажется на первый взгляд, эти деньги пропьют, потратят на всякую безделу. Многие и вовсе перестанут работать. Но этого, видимо, не произойдет. Получение «дармового» дохода не только не развратит людей, но и позволит им более свободно распоряжаться собой. Например, станет намного доступнее переквалификация для работы в наиболее продвинутых секторах экономики. У кого-то появится больше возможностей заниматься семьей без потери достойного уровня жизни. Как показывают опросы, 64% европейцев поддерживают введение минимально гарантированного дохода и только 4% собираются в таком случае бросить работу⁷³.

Я, конечно, не склонен идеализировать эту модель, но и считать, что это очередной шаг к деградации Европы, — глупо. На самом деле мы видим первые ростки не просто «четвертой» промышленной революции, но и перехода европейского общества в качественно новое состояние, когда гуманитарное начало его жизни станет не просто декларацией, а сутью многих процессов.

Например, меняется характер демократии. Еще недавно всем казалось, что парламенты и конкурирующие полити-

ческие партии — это верх эволюции. Теперь, с бурным развитием информационного пространства и грядущим появлением у людей намного большей свободы (см. упомянутый выше «минимально гарантированный доход»), на первый план выдвигается уже не представительная демократия, чреватая бюрократизацией, а непосредственное народовластие. Это и набирающее силу местное самоуправление в самых разных его формах, и совершенно новые формы открытости власти (например, доступность к Big Data⁷⁴ и использование технологии Block chain⁷⁵), и перевод в гражданское общество многих прежде исключительно государственных функций.

В развитых странах мира меняется и отношение к окружающей среде. Отсюда — добровольное самоограничение в использовании невозобновляемых источников энергии, быстро растущая энергоэффективность бытовой и промышленной сфер. В некоторых странах уже нельзя сдавать в эксплуатацию дома, которые самостоятельно не обеспечивают себя сами энергией и отоплением.

Может показаться, что все это — научная фантастика или футурология. Но мы, барахтаясь в нашей цивилизационной особости, которую так никто толком и не описал, рискуем отстать от прогресса навсегда. Этот феномен, весьма вероятный для реализации в немногочисленной группе стран типа Сомали, Судана и Афганистана, тоже является вызовом для европейской цивилизации. Хотя бы из-за миграционного перетока с условного Юга на условный Север, что является проблемой не столько укрепления границ, сколько ценностной позиции: европейцу безразлично или нет, как живут люди в бедных странах? Уверен, что нарождающееся там гуманистическое общество найдет достойный ответ на этот вопрос.

Ну а нам — тем, кто считает европейский выбор для России единственно возможным, — нужно во что бы то ни стало включаться в эту дискуссию. Ведь, возможно, это и наше не столь отдаленное будущее.

VI

Хочу вернуться к заголовку этого очерка «Россия во мгле»-2?». Здесь важен именно вопросительный знак. Он означает, что описанный выше пессимистический сценарий развития нашей страны все-таки может не случиться. Но что должно произойти, чтобы так произошло?

Прежде всего важно поставить правильный диагноз нынешней ситуации. Пока я, к сожалению, вижу попытки на официальном уровне сделать вид, что ничего особенно не происходит — «мелкие проблемы были, есть и будут всегда, но основы функционирования системы трогать не надо». Даже нынешнее зримое ухудшение качества жизни большинства, растущее отставание от развитых стран по всем основным социальным параметрам не убеждает власть имущих сказать правду, которая уже очевидна всем объективно настроенным людям. Вместо этого пропагандистская машина бубнит, что надо лишь чуть-чуть потерпеть, а потом, как по мановению волшебной палочки, все вернется в «социальный рай» конца нулевых.

Но даже если правдивый диагноз будет поставлен, то этого явно недостаточно для эффективного лечения. Нужно создать (воссоздать) публичные институты формирования решений, как на федеральном, так и на местном уровнях. А это возможно лишь в рамках глубокой политической реформы, которая реализует многие положения Конституции, находящиеся сейчас в состоянии спячки.

И лишь тогда, когда такие институты заработают, можно приступать к формированию действительно понятных и поддерживаемых обществом программ по выводу России из нынешнего социально-экономического кризиса.

Вот такой курс лечения, который я прописал бы всем нам. Надеюсь дожить до того времени, когда я напишу еще один очерк о социальной жизни нашей страны, который назову «Россия, которую мы спасли».

Приложение

Современная Россия в блужданиях между XX и XXI веками

Антизападная западня⁷⁶

***Ответ на вопрос, европейцы ли русские,
знают не политики, а ученые***

Мне кажется, что Россия заблудилась в трех соснах, исступленно демонстрируя в последние месяцы свое антизападничество. Я бы не стал это утверждать, если бы все сводилось к бомбардировкам Белграда в 1999 году, вторжениям в Афганистан (2001) и Ирак (2003). Сейчас можно смело утверждать, что это были ошибочные решения тогдашних американских и европейских лидеров.

Но сейчас отъединение от совокупного Запада (по крайней мере на словах) перешло на совершенно другой — цивилизационный — уровень. Мы, как считает Министерство культуры (!), оказывается, «не Европа». Развернутое объяснение этому выводу дал сам президент, сказав на недавней прямой линии с народом буквально следующее:

«Что же все-таки в основе наших особенностей? Эти особенности, конечно, есть, и в их основе, на мой взгляд, лежат ценностные ориентиры. Мне кажется, что русский человек, или, сказать пошире, человек русского мира, он прежде всего думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение самого человека, какое-то высшее моральное начало. И поэтому русский человек, человек русского мира, обращен больше не в себя, любимого...

Хотя, конечно, в бытовой жизни мы все думаем о том, как жить богаче, лучше, быть здоровее, помочь семье, но все-таки не здесь главные ценности, человек развернут вовне. Вот западные ценности заключаются как раз в том, что человек в себе сам, внутри, и мерило успеха — это лич-

ный успех, и общество это признаёт. Чем успешнее сам человек, тем он лучше».

Очень любопытное размышление, видимо, выстраданное лично Владимиром Путиным, что особенно ценно. Ведь вся политика нашей страны сейчас экстремально персонализирована: президентское окружение (включая Государственную думу с Советом Федерации) воспринимает все, что он говорит, как начертанные на скрижалях Завета заповеди, а наиболее шустрые — прежде всего из числа наемных пропагандистов — пытаются «творчески» развить сказанное.

Но неужели нет никаких научных исследований, которые могли бы уверенно ответить на вопрос: так Россия все-таки не Европа — на глубинном, ценностном уровне? Отвечу: такие работы есть, ими занимаются уже не один год высокие профессионалы-социологи, в том числе и российские. Понятно, что у людей, сидящих в высоких кабинетах, нет времени читать длинные серьезные тексты. И сам я, работая в правительстве, готовил записки наверх по самым сложным вопросам объемом не более 1,5–2 страниц. Поэтому все ниженаписанное прошу считать попыткой кратко и доступно изложить то, что в научных кругах считается доказанным.

Еще в 2006 году Россия вступила в число участников проекта European Social Survey (ESS) — «Европейского социального исследования». Это впервые позволило нарисовать ценностный портрет населения России в сопоставлении с большей частью населения Европы. В ESS участвуют как «старые» капиталистические страны, так и бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы, в том числе кроме России три страны, входившие в состав СССР (Украина, Эстония, Латвия).

Что же выявилось по результатам обследований еще в 2008–2009 годах?

Кстати, хочу напомнить, что это было достаточно тревожное и для Европы, и для России время: начинался мощ-

ный финансово-экономический кризис, который напряг подавляющее большинство людей из-за угрозы безработицы и потери доходов. Естественно, что, по крайней мере у нас, эти угрозы можно было легко списать на близкий крах европейской цивилизационной модели, от которой нужно поскорее дистанцироваться.

То, что получилось в результате, подробно изложено в статье Владимира Магуна и Максима Руднева, опубликованной в № 503/504 интернет-журнала «Демоскоп» в 2012 году. Хочу процитировать некоторые очень любопытные выводы.

«По итогам ценностных сопоставлений можно представить сегодняшнего среднего россиянина как человека, который в сравнении с жителями большинства других европейских стран, включенных в исследование, крайне высоко ценит безопасность и защиту со стороны сильного государства; он слабее привержен ценностям новизны, творчества, свободы и самостоятельности и меньше ценит риск, веселье и удовольствия. Сходная выраженность перечисленных ценностей характерна и для представителей ряда других европейских стран, чаще всего — постсоциалистических и средиземноморских.

В то же время средний россиянин сегодня сильнее, чем жители большинства европейских стран, привержен ценностям богатства и власти, а также личного успеха и социального признания. Сильная ориентация на личное самутверждение оставляет в его сознании меньше, чем у представителей других стран, места для заботы о равенстве и справедливости в стране и мире, о толерантности, о природе и окружающей среде и даже для беспокойства и заботы о тех, кто его непосредственно окружает.

Обратим внимание, что сильная приверженность ценностям личного успеха и богатства не сочетается в сознании россиян со столь же выраженной смелостью, готовностью действовать по-новому, идти на риск и принимать самостоятельные решения. Даже ради успеха и богатства люди

не готовы к действиям, выходящим за пределы исполнительской рутины и требующим от них повышенных энергетических и эмоциональных затрат.

Серьезная озабоченность низким уровнем альтруистических, солидаристских ценностей в российском обществе и, наоборот, гипертрофированностью индивидуалистических ориентаций, звучащая сегодня со стороны публицистов, ученых и общественных деятелей, вполне обоснованна.

Тревожным фактом является также сравнительно низкая приверженность россиян ценностям открытости, изменениям и, наоборот, сильная ориентация на сохранение статус-кво. Это серьезный культурный барьер на пути развития инновационной экономики, да и на пути общественного развития в целом».

Как видно, для нынешнего пропагандистского официоза открывается малоприятная картина. Оказывается, именно наш человек намного более индивидуалистичен и намного менее альтруистичен, чем типовой европеец. При этом сохраняется феномен сказочного Емели, который, не слезая с печи, получает все что хочет «по щучьему веленью, по моему хотенью». Однако есть и приличная доза оптимизма. Мы напоминаем многие постсоциалистические и средиземноморские страны, которые, как известно, не ставят вопроса о своей «неевропейскости». Наоборот, тамошнее общество считает, что стакан наполовину полон, и относит себя к общеевропейской ценностной модели — пусть и с некоторыми особенностями.

Можно, конечно, как у нас теперь принято, относиться с пренебрежением к мнению специалистов, тем более участвующих в международных (что само по себе подозрительно) проектах. И считать стакан наполовину пустым, выкрикивая, что Россия — «не Европа». Но тогда кто мы? Азия? Министерство культуры устами своего начальника Владимира Мединского отрицает и это, намекая на нашу чуть ли не изначальную особость: «Россия являет собой древнюю, самостоятельную, самобытную цивилизацию».

Конечно, никто не отрицает самобытность России — с ее древней историей и великой культурой. Но г-н министр пытается подменить понятия, вводя в отношении нас слово «цивилизация». Тем самым получается, что, например, французы или немцы с их не менее древними историями и великими культурами — всего лишь подвиды внутри европейской цивилизации. То есть наша особость имеет качественно другой — чуть ли не вселенский смысл.

Краткое изложение проблемы для лиц, принимающих решения в России, принято заканчивать предложениями. Но в данном случае, как мне представляется, не надо дипломатничать. Рецепт почти медицинский: надо просто стряхнуть с себя горячечный бред, в который мы все погружаемся. А потом продолжать наполнять наш пока еще наполовину полный стакан.

Языческая Русь⁷⁷

***Вместо общества у нас опять племя,
а науку еще нужно пощупать***

Сейчас идут срочные поиски российской идентичности. Вытащен и этнический компонент — «русский мир», и идеология — «консерватизм», и принципиальное антизападничество — «Россия не Европа». Однако что-то «русский мир» сбоят: Украина (по крайней мере большая ее часть) рвется в Европу, Беларусь тоже посматривает «налево». С «консерватизмом» тоже как-то все наперекосяк: ссылки на жившего в первой половине прошлого века Ивана Ильина безнадежно устарели, а профессор Дугин совсем уж диковат. Вот только антизападничество процветает. Но отрицание чего-то никак не заменяет позитивный выбор. Поэтому пока ассоциировать Россию не с чем, кроме ее огромных просторов и мощного ядерного потенциала.

Конечно, с нами остается великая культура Пушкина и Толстого, Достоевского и Чехова. Но давайте скажем честно: не читаем, не обсуждаем это бесценное наследие. Эти

фамилии в лучшем случае используются в телевизионных сериалах, зачастую в полном отрыве от первоисточника. Да и новых отечественных бессмертных — уровня Габриэля Гарсиа Маркеса или Умберто Эко — почему-то нет. Может быть, как раз из-за выпадения нас из мирового цивилизационного мейнстрима?

И тут я хочу сделать жесткое утверждение: Россия быстро погружается в язычество — и именно поэтому мы никак не можем понять «кто мы?».

А теперь объясню.

Я ничего не имею против язычества в традиционном понимании этого явления. Предки народов, населяющих нынешнюю Россию, когда-то поклонялись идолам, силам природы и т.п. Это был вполне естественный этап человеческой истории, который проходили везде. Потом произошло то, что практически всеми признается как колоссальное продвижение, — принятие христианства, ислама, буддизма, что принесло людям новые, гуманистические ценности (которыми они, впрочем, далеко не всегда руководствовались), грамотность, внесло огромный вклад в формирование культуры россиян. Именно поэтому возвращение язычества — это не просто регресс, но и в условиях нынешнего конкурентного мира — поражение страны, которое может иметь гибельные для нее последствия.

Речь, конечно, не идет о сносе храмов и запрете традиционной религиозной деятельности, не о возвращении идиологов, которым обязательно надо поклоняться. Все намного хуже: рушатся те гуманитарные основы общественной жизни, которые еще недавно казались незыблемыми.

Мне уже довелось писать на страницах «МК» (30.03.2014) о распаде межличностных отношений, что делает наше общество похожим на хаотическое движение 143 миллионов экстремальных индивидуалов, которые утратили всякую способность самоорганизоваться. Единственное оставшееся управленческое начало — «ручной режим», когда сверху подается команда (многократно усиливаемая

пропагандистской машиной) «что делать» и «кто виноват». Очень напоминает отношения вожака-вождя первобытного племени со своими сородичами.

А теперь хотелось бы проиллюстрировать деградацию общества и его впадение в язычество на другом, может быть, неожиданном примере: на судьбе российской науки.

Как известно, феномен современной науки родился именно после отказа от язычества. Именно тогда появилась возможность объяснять природные явления не милостью или гневом одного из богов, а вполне рациональными причинами. Исаак Ньютон, будучи верующим христианином, тем не менее открыл и объяснил закон всемирного тяготения благодаря не мистическому, а научному взгляду. Если обратиться к гуманитарным наукам, то это в точности характеризует и творчество философа Джона Локка, экономиста Адама Смита или социолога Питирима Сорокина.

Если возвратиться к современной России, то на поверхности вроде бы все, что связано с наукой, работает: сотни академических институтов, университетов, их филиалов... Оставшиеся еще ученые продолжают эксперименты, пишут статьи, книги. Но проблема в другом: в том, как относятся к науке люди, принимающие решения в России.

Тут есть два аспекта.

Первый — собственно управление наукой. Год назад внезапно произошла кардинальная реформа РАН и других государственных академий. Создано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), которое уполномочено не только распоряжаться собственностью сотен академических институтов, но и фактически определять направления их содержательной работы. Для этого нужно отделить эффективные коллективы от неэффективных, что в принципе правильно. Но как это сделать практически прежде всего по отношению к фундаментальным исследованиям?

Можно, следуя традициям не только российской, но и мировой науки (ничего страшного в этом нет: наука по определению космополитична), сохранить принципы академиче-

ского саморегулирования. То есть сами же ученые (и отечественные, и зарубежные) по определенным публичным процедурам выявляют наиболее перспективные направления работы — и под них выделяется государственное финансирование. Точно так же оцениваются результаты этих исследований. Вероятность ошибок при этой схеме, бесспорно, есть. Академик Арцимович как-то пошутил, что наука — способ удовлетворить свое любопытство за счет государства. Говоря современным языком, фундаментальные исследования — высокорисковый венчур, вложения в который далеко не всегда дают результат, который можно пощупать. Но те случаи, которые приводят к удаче, материализации открытий, сторицей окупают всё, что тратится на науку.

Есть и другой способ выявлять тех, кому нужно дать деньги. Он сводится к формальным цифровым параметрам. Например, опираться на индексы цитирования. Если научный коллектив А имеет больше публикаций, отмеченных в международных базах данных (например Scopus или Web of Science), чем коллектив Б, то это дает ему преимущество при получении государственного финансирования. На первый взгляд все справедливо. Но почему-то в странах, которые имеют наиболее продвинутую науку, индекс цитирования не принимается в качестве аргумента при выделении грантов. А кое-где такой подход просто-напросто запрещен. Почему?

Все просто: начинается гонка не за содержанием исследования, а за его как можно быстрым, поспешным обнародованием. Есть даже такой термин — «салями-слайсинг», нарезание колбасы на ломтики, то есть изготовление как можно большего количества публикаций на одном и том же материале. В результате происходит подмена научного процесса со всеми его трудностями и мучениями доведенным до высокого профессионализма вышибанием денег из государства.

Или еще одна модная в российской модели управления фишка: коммерциализация результатов исследований как важнейшее условие для получения финансирования. Если

речь идет о прикладной науке, то такой подход обсуждаем. Но в отношении фундаментальных исследований это требование выглядит абсурдом. Как можно оценить в рублях вклад в экономику, к примеру, академических историков, философов или филологов? Хотя все развитие современной, постязыческой цивилизации — от институтов организации общественной жизни до столь уже привычных технических гаджетов — было бы невозможным без успехов именно фундаментальной науки.

И вот на этом фоне мы в России, поклоняясь, как языческим идолам, индексу цитирования и фетишу коммерциализации, выглядим безнадежно отставшими. В результате те, кому еще хочется заниматься фундаментальными исследованиями, постепенно угасают как ученые или отправляются за рубеж, где получают без всякого бюрократического издевательства престижные лаборатории, щедрые гранты и Нобелевские премии.

Однако за всей этой управленческой мишурой скрываются намного более глубокие процессы. Языческое мышление признает, кроме заведомо непознаваемых сил природы и сакральных идолов, только то, что можно пощупать и тут же пустить в дело. Когда-то вершиной прогресса считались каменные топоры, лук со стрелами. А теперь в качестве желаемых плодов науки ценятся межконтинентальная баллистическая ракета, нефтяная скважина и газовая труба. Все остальные знания должны, как думают современные язычники, бесплатно свалиться с неба. Отсюда — разгул мистики и лженауки, которые, кстати, как оказывается, тоже претендуют (и часто небезуспешно) на бюджетное финансирование. И конечно, упорное выталкивание настоящей фундаментальной науки в маргинальное поле хронического безденежья и бюрократического произвола.

Вот мы и получаем на выходе действительно низкую эффективность использования даже тех небольших денег, которые пока еще предназначены для финансирования научной деятельности. Выходов из ситуации, как всегда в

современной России, два. Первый: продолжать в том же духе, лишая тем самым страну какой-либо достойной идентификации в мире. Второй: взяться за ум, опираясь на подлинно научное знание.

«Корни травы» не выкосишь⁷⁸

***Как и откуда в России прорастет
гражданское общество***

Макроэкономисты свое слово сказали: 2015 год будет сложным. Они же утверждают: этот вывод можно смело распространить и на 2016–2017 годы. Это предопределяет ухудшение социального положения большинства населения — и тут вырисовываются столь популярные у социологов 80 с лишком процентов. Уже сейчас началось устойчивое падение реальных доходов, снижается доступность бесплатной медицины, все больше нареканий системе образования. Как отреагируют на это россияне?

Я не строю иллюзий по поводу политического протеста. Разговаривая с людьми всех возрастов и профессий, почти всегда получаешь ответы: «политика — грязное дело», «политика — отстой» и т.п. Да и социология говорит о том же. Поэтому я не удивлен чрезвычайно вялой реакцией на приговор братьям Навальным, экстремально низкой явкой на почти всех муниципальных и региональных выборах. Причины такой апатии понятны: систематическое удушение конкурентной политической среды, выдавливание из информационного поля независимых СМИ и, конечно, чудовищная по своей силе пропаганда против любых демократических ценностей.

Свой вклад, конечно, внесли 90-е годы, когда новая правящая элита увлеклась перераспределением советской собственности и оседланием финансовых потоков, а о внесении в массы принципов цивилизованной жизни как-то подзабыла. Людям сначала фактически отказали в прохождении настоя-

шей школы демократии, а потом, уже в нулевые, стали убеждать, что это и не нужно: мы ведь идем каким-то особым путем. Правда, так до сих пор неизвестно каким.

Но стоит ли хоронить российское общество, представляя его бессловесной массой по принципу «народ безмолвствует»? Думаю, что пока оснований для этого нет. И разрастающийся кризис должен это утверждение доказать.

Население России можно условно разделить на несколько групп по типу социально-общественного (неполитического в узком смысле этого понятия) поведения:

— «активисты»: те, кто действует наподобие той лягушки, которая, попав в, казалось, безвыходное положение, таки сбила масло и выбралась из ловушки;

— «зрители»: те, кто сочувствуют «активистам» и при определенном стечении личных обстоятельств могут к ним присоединиться или уже сделали это;

— «просители»: те, кто ждет милостей от природы (в нашем случае — от государства);

— «люмпены», те, кто ничего не ждет, выживая на хлебничеством у родственников, часто совсем престарелых, копанием в мусорных баках, попрошайничеством, а также криминальным промыслом.

Рискну предположить, что среди нашего взрослого населения «активистов» — не более 3–5%, «зрителей» — 20–25%, «просителей» — не меньше 50% и соответственно «люмпенов» — 20–25%.

Как начавшиеся уже социальные осложнения повлияют на поведение этих групп?

«Активисты» еще более динамично станут заниматься социальной самообороной. В личном плане они постараются найти приработки. Но что не менее важно — еще активнее начнут становиться центрами коллективных действий по отстаиванию прав людей. Это относится и к трудовой сфере, где работодатели будут стремиться снизить зарплату, провести сокращения. И к здравоохранению, где «оптимизация» нарушает элементарные права медицинских работников и

пациентов. Понадобится участие в судьбе попавших в отчаянное положение из-за снижения и без того невысокого уровня жизни стариков, инвалидов, детей-сирот.

В этом их поддержат многие «зрители», хотя бы потому, что они ощутят на себе последствия кризиса.

Таким образом, можно ожидать существенного всплеска общественной неполитической активности на микроуровне, которая никак не будет оформлена в виде зарегистрированных Минюстом структур. Конечно, ситуация в разных местах России будет отличаться, и очень сильно. Как всегда, в передовиках окажутся крупные города и региональные центры. Но к ним прибавятся национальные административные образования, где традиции житейской взаимопомощи все еще не исчезли.

Для государства, которое в последние годы постаралось сделать жизнь НКО тяжелой, а зачастую и невыносимой, это станет неприятным сюрпризом. Как объявить «иностранным агентом» не коммерческую организацию, а неформальную группу граждан, которая не получает не только заграничных, но и никаких денег вообще, объединившись на волонтерских принципах? Угрожать лидерам-«активистам» потерей бизнеса, работы? Это вызовет только обратный эффект, приводя к резкой политизации протеста.

Фактически дело идет к тому, что, оказывая давление на нынешнее гражданское общество, в основном сформированное в 90-е, государство, создав своими действиями полномасштабный социальный кризис, собственноручно выращивает grass roots («корни травы») нового гражданского общества. Это будет совершенно другой феномен. Если в конце советской эпохи и во времена Бориса Ельцина общественная деятельность концентрировалась на околополитической тематике («долой все советское, давай все западное»), то сейчас активизм прорастает снизу — из социальных будней.

Люди, которые занимаются самоорганизацией своей жизни, объединяются независимо от политических взглядов — «либерал», «консерватор», «государственник» и т.п.

Из этого явления есть, конечно, исключения — это крайние позиции. Например, «профессиональный националист» или «практикующий анархист». Но реальных последователей этих течений очень немного. Политическое мышление большинства нашего народа, в том числе тех, кого можно отнести к «активистам» и «зрителям», с точки зрения политологии весьма эклектично и нелогично. Тут скорее поле для анализа социального психолога. Радуюсь тому, что «Крым — наш», значительная часть населения недовольна работой государства как института. И этот экстремально высокий рейтинг Владимира Путина, который в глазах народа, вероятно, никак с этим государством не ассоциируется, является, похоже, феноменом совершенно иного, уже не человеческого, а мистического свойства. Значит ли это, что такая каша в головах будет сохраняться всегда? Вряд ли.

Да, пока люди будут объяснять социальные неприятности «происками врагов России». Но постепенно появится и другой ответ: «неэффективность и продажность чиновников». Коллективная самооборона будет сталкиваться прежде всего с сопротивлением местных и региональных властей, которым по определению не нравится любая несанкционированная активность. Так уж выстраивалась наша «вертикаль власти» все последние годы — отжимая гражданское общество от реальных дел, заменяя его симулякрами.

В условиях хронического дефицита местных и региональных бюджетов, постоянного урезания расходов, прежде всего на «социалку», руководители начнут совершать массу невынужденных ошибок и глупостей. Они ведь не привыкли работать в партнерстве с простыми людьми, рассматривая их в лучшем случае как объект снисходительного патронажа.

Если в 2008–2009 годах социальные риски, чуть-чуть набрякнув, были быстро нивелированы массивными вложениями тогда еще богатого государства и восстановившимися высокими ценами на нефть, то сейчас этих факторов нет и не будет по крайней мере несколько лет. Поэтому

давление снизу на местную власть будет нарастать без адекватного с ее стороны ответа.

Это создаст крайне высокие риски локальных конфликтов между группами социальной самозащиты и государством в лице его конкретных представителей. Обращения к Владимиру Путину как верховному арбитру будут не просто учащаться, но и приобретать новое качество. От просьб починить водопровод (что характерно для многочисленной категории «просителей») дело перейдет к требованиям решить и персональные вопросы (уволить губернатора, главу городской или районной администрации), и навести наконец порядок в ЖКХ, здравоохранении, образовании, общественной безопасности. А это не что иное, как выстраданное, идущее снизу требование создать эффективно функционирующие институты российской социальной жизни.

Последует ли адекватный ответ сверху? Показательной поркой отдельных чиновников проблему не решить. Придется или брать в ежовые рукавицы нарождающееся «гражданское общество», или все-таки начинать реформы, о необходимости которых говорят все сколько-нибудь независимые специалисты.

Можно, конечно, ничего не делать, считая, что ситуация в стране после разгрома политической «несистемной» оппозиции под контролем. Но корни травы, как известно, имеют свойство прорастать иногда даже из-под асфальта.

Меньше знаем, крепче спим⁷⁹

Россия деградирует в главном

Стало уже общим местом сетовать на нефтегазовый флюс нашей экономики. В качестве альтернативы предлагается «поддерживать», «стимулировать», например, производство самолетов, нефтехимию, IT и вообще что-нибудь безумно «высокотехнологическое». К этой эклектике неизменно добавляются дежурные фразы об активизации малого бизнеса и в целом инвестиционного процесса.

Но почему-то все самые правильные слова становятся заклинаниями, которые никак не могут развернуть нашу экономику от вползания в глубокий и многолетний кризис к реальному росту и качественному обновлению.

Причин, конечно, много. Назову для начала две:

1) наше государство, которое не заинтересовано в реформах, потому что в случае успеха многие столоначальники лишатся своих мест, а значит, и приработка к официальной зарплате;

2) могущественные «естественные» монополисты, которые находятся под защитой вышеупомянутого государства, что позволяет им неплохо жить, будучи вне настоящей подконтрольности и реальной конкуренции.

Но эти две причины, которые тормозят экономическое (и не только) развитие России уже много лет, сформировали еще одну проблему, усиливающую нашу всеобщую деградацию: в стране на последнем издыхании находится важнейшая отрасль, без развития которой смена негатива на позитив невозможна. Это — производство знания.

О чем идет речь?

Любое общество, претендующее на рост и субъектность, является производителем каких-то ценностей, смыслов, традиций, научных открытий, институтов саморегулирования. Это создает его уникальное лицо, отличает от других обществ. Знание происходит из самых разнообразных источников: от фундаментальной науки и конкретной общественной жизни — до культурных и религиозных сфер. И успех приходит там, где все эти способы находятся в равновесии, без чрезмерного уклона в ту или иную крайность.

Кстати, об успехе. Если прогресс в производстве знания мерить битами накопленной информации, количеством зарегистрированных патентов или научных работников на душу населения, то это, мне кажется, не совсем правильно. Богатство культурной и общественной жизни — не менее важный критерий. Все вместе это делает жизнь в стране комфортной для большинства людей. А это, в свою очередь,

предопределяет высочайшую степень внутренней социально-политической стабильности.

А вот в нынешней России, повторюсь, производство знания фактически остановилось, что грозит нам чередой самых разнообразных и неожиданных кризисов в сочетании с отсутствием адекватных — не чрезвычайных, не мобилизационных — инструментов выхода из них. Такой вывод можно было сделать еще несколько лет назад, хотя он казался странным и алармистским на фоне льющих в страну сотен миллиардов долларов от продажи нефти и газа. Но теперь картинка, мне кажется, ясна любому мало-мальски образованному человеку, у кого не снесло мозги массивным пропагандистским нейропрограммированием.

Так что же произошло?

Просто-напросто критически опасно нарушился баланс источников в производстве знания, о котором я упомянул как о желательном состоянии для любого цивилизованного общества.

1. Начну с самого простого и очевидного: на наших глазах умирает российская фундаментальная наука. Мне могут возразить, что не так уж и плохи дела в физике и математике. Соглашусь. Но с небольшой поправкой: фундаментальная наука в такой большой стране, как Россия, может быть успешна, только если она плодотворна не в естественных лишь, но и в гуманитарных дисциплинах. А в истории, философии, родной мне экономике ситуация драматическая. И дело здесь не в отсутствии умов — этим-то как раз Россия всегда славилась, а в разрушении инфраструктуры производства знания. Про радикальное и многолетнее недофинансирование уже и говорить неинтересно. Но последняя так называемая реформа РАН, похоже, забивает последний гвоздь в крышку гроба: институты замучены валом спускаемых сверху мелочных указаний и требований, волюнтаризмом при распределении бюджетных грантов. А уж чиновничье обожествление индекса цитирования в системах Scopus и Web of Science, коэффициента Хирша напоминает

языческое идолопоклонство — в странах с наиболее продвинутой наукой от этого инструмента оценки работы ученых давно отказались.

2. Такая же ситуация с культурой, которая не менее важна, чем фундаментальная наука, потому что она производит такие важные разновидности знания, как смыслы и ценности. Меня в свое время неприятно поразило то, что среди запущенных в 2006 году приоритетных национальных проектов не нашлось места для культуры, хотя, конечно, и образование, и здравоохранение, и жилищная сфера, и АПК нуждались в поддержке. И лишь в конце прошлого года президентом одобрены в целом неплохие «Основы государственной культурной политики». Одна лишь загвоздка — денег в бюджете на их реализацию нет и не предвидится.

3. Не менее важная сфера производства знания — общественная деятельность, гражданская самоорганизация. Ее все последние годы последовательно гасят сверху, пугая самих себя и население мифами о «цветной революции» и «пятой колонне национал-предателей», создавая многочисленные симулякры и ручные НКО. Из последних событий — фактическая ликвидация местного самоуправления через отмену прямых выборов мэров и глав муниципалитетов, отъем у этого, самого близкого к людям, уровня публичной власти источников финансирования и полномочий.

4. Неудивительно, что глубокий кризис переживает и экспертное сообщество. Независимое, критическое мнение даже самых профессиональных специалистов не востребовано лицами, принимающими в нашем государстве решения. Там либо привечают прикормленных экспертов, работающих по принципу «чего изволите?», либо вообще обходятся своими силами. В результате сформировалась система дезинформации руководителей страны, что предопределяет многочисленные уже совершенные и, боюсь, предстоящие ошибочные управленческие решения. Ручной режим, который практикуется у нас, может, и был когда-то эффективен в Сингапуре, но в России с ее масштабами и разнообразием он

точно не годится: печальный конец царского самодержавия доказал эту банальную мысль 100 лет назад.

Выбив из нормального состояния упомянутые выше четыре источника производства знания, мы, естественно, дали возможность заполнить освободившееся пространство совершенно другим феноменам. Это:

- агрессивное невежество, переходящее в одичание;
- фундаментализм экстремистского розлива;
- мистика и лженаука.

Такие явления присутствуют и в самых благополучных обществах. Но они там маргинальны и не имеют возможностей получать привилегированную поддержку государства. У нас же все это не только пышно расцвело благодаря благожелательной позиции сверху, но и начало приносить обильные плоды.

Тут и «бешеный принтер» Государственной думы, и останкинская излучающая башня (см. «Обитаемый остров» братьев Стругацких), транслирующая прямо в подкорку «двухминутки ненависти» (см. «1984» Джорджа Оруэлла), и постепенно берущие власть самые разнообразные якобы религиозно озабоченные люди, и колоссальная популярность гадалек, астрологов, знахарей и всей подобной публики.

Поэтому, когда я наблюдаю за еще оставшимися кое-где содержательными дискуссиями о том, как нам обустроить не успевшую еще окончательно подняться с колен, а уже заваливающуюся на бок Россию, то мне хочется сказать тем, у кого пока еще не нарушены мыслительные способности: смотрите в корень!

О какой диверсификации экономики и оздоровлении предпринимательского климата может идти речь, если наше общество быстро теряет самую главную, базовую сферу — производство знания? Только полностью осознав эту, деликатно выражаясь, весьма тревожную ситуацию, можно адекватно оценить истинный масштаб тех реформ, которые только и могут спасти Россию от весьма реального хаоса и развала.

Еще какая «не Европа»⁸⁰

Ряд неудобных сравнений

Чем дольше я думаю над бессмертным афоризмом «Россия — не Европа», тем больше начинаю понимать, что воистину это так. В качестве доказательства данного вывода хочу предложить вашему вниманию таблицу, в которой сравниваются основные признаки России и одной реально существующей неевропейской страны.

Итак.

<i>Признак</i>	<i>Россия</i>	<i>Реально существующая неевропейская страна</i>
ВВП на душу населения (долл. США, 2013 год)	18 100	19 200
Основные продукты экспорта	нефть, газ, металлы, древесина	Нефть, древесина, марганец, уран
Государственное устройство	Федерация с сильной президентской властью	Президентская республика
Срок, на который избирается президент	6 лет	7 лет
Количество президентов за период независимости	3	3
Устройство парламента	Двухпалатный	Двухпалатный
Система выборов в парламент	В нижнюю палату — прямые, по партийным спискам, сроком на 5 лет. В верхнюю — назначенцы губернаторов региональных законодательных собраний	В нижнюю палату — прямые, многопартийные, сроком на 5 лет. В верхнюю выбираются региональными коллегиями выборщиков
Правящая партия	«Единая Россия». Имеет устойчивое неформальное в верхней палате и формальное большинство в нижней палате	Пропрезидентская. Имеет устойчивое большинство в обеих палатах парламента

Не буду томить уважаемого читателя. Упомянутая неевропейская страна — Республика Габон, которая (для тех, кто не знает) расположена в Экваториальной Африке. И не делайте, пожалуйста, оскорбленные лица. Раз уж мы решили, что «Россия — не Европа», то будьте любезны — меряйтесь демократическими и экономическими достижениями не с Германией или Великобританией, а с Габоном, у которого, между прочим, душевой ВВП, как видите, выше нашего, и экономика показывает 6–7-процентные темпы роста, которые для нас еще долго будут недостижимой целью. Между прочим, эта страна получила независимость всего лишь в 1960 году, когда Советский Союз, правопреемником которого мы себя считаем, уже запускал спутники в космос и проводил ядерные испытания... Но это так, к слову.

Но если вы настаиваете, что «Россия — не Африка», то я могу привести пример другой, неевропейской и неафриканской, страны, с которой мы можем себя сопоставлять, имея формально похожие внешние признаки. Это Мексика.

ВВП на душу населения в 2013 году там составил 13 600 долл. (чуть меньше, чем у нас); значительная часть экспорта — нефть и серебро. Так же как и Россия, Мексиканские Соединенные Штаты (это официальное название страны) являются федерацией с сильной президентской властью.

Но если копнуть глубже, то мы увидим несколько любопытных отличий. В мексиканском экспорте уже преобладают товары промышленной переработки. Темпы роста экономики — невысокие, но устойчиво положительные. Местная валюта в 2014 году практически не изменила свой курс по отношению к доллару. Ожидаемая продолжительность жизни у мужчин 72,7 года (у нас — 64,4), у женщин — 78,3 года (у нас — 76,3). Президент (который является по совместительству и премьер-министром) избирается на шесть лет, но зато всего лишь на один срок. При формально многопартийной системе Институционно-революционная партия безраздельно правила страной многие десятилетия,

слившись с властью в неразрывное целое и регулярно манипулируя результатами голосований. Но в 2000 году эта монополия была нарушена в результате честных выборов. Так, может, будем сравнивать себя с Мексикой?

Вообще, Латинская Америка дает возможность для самых разных сравнений с Россией, позволяя по-разному заглянуть в наше будущее. Если мексиканский (а также чилийский и бразильский) варианты были бы, как мне представляется, для нас в целом позитивными, то пример Венесуэлы рисует иные перспективы.

Эта страна подседа на нефтяную иглу еще сильнее, чем Россия. Правительство напрямую регулирует цены, а военные в пустых магазинах следят за тем, чтобы эти цены соблюдались. Политическая система четко заточена на несменяемость власти. Уго Чавеса от пожизненного президентства «спасла» только физическая кончина. Нынешний руководитель страны пытается идти по тому же пути, но обнищавшее население, несмотря на массивированную антиамериканскую и антизападную риторику Николаса Мадуро и его окружения, кажется, уже почти созрело для того, чтобы правление президента стало историей.

Так все-таки «Россия — не Латинская Америка венесуэльского типа»? Стесняемся это признать? Нас коробит сама мысль о том, что на этом далеком и «отсталом» континенте есть позитивные и негативные примеры для нас?

Хорошо. Давайте поиграем в евразийские игры. Вот только с кем? С Китаем, который уже обошел нас по многим параметрам?..

Или давайте посмотрим на историю такой страны, как Южная Корея. После гражданской войны 1950–1953 годов она лежала в руинах. Потом начала подниматься, введя железное правление диктаторов-генералов, которые подавляли инакомыслие танками, а в экономике создали так называемые чеболи — пользующиеся поддержкой государства семейные корпорации. Но только переход в 1990-х от имитационной к реальной демократии и демонополизация эконо-

мики позволили Южной Корее сделать колоссальный рывок. В 2013 году душевой ВВП этой страны достиг 33 200 долл., что почти вдвое больше, чем у России. И этот показатель продолжает расти на 2–3% в год.

Интересно, а «Южная Корея — не Европа»? Географически — бесспорно. А с точки зрения институтов общественной жизни — «Европа», как и Япония, и Австралия с Новой Зеландией со своими, разумеется, культурно-историческими укладами.

Конечно, есть страны, которые точно — не Европа. Это, например, Северная Корея, Афганистан, Сомали, Ирак, упомянутая выше Венесуэла вкупе с Боливией, Зимбабве и т.п. Что их объединяет? Убогая экономика и нищее население, которым повелевает либо коррумпированная, либо находящаяся «в другой реальности» несменяемая правящая элита.

Мы не упомянули про Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Саудовскую Аравию. Там ВВП на душу населения зашкаливает, а Европой не пахнет. Но мы как-то побольше масштабами, и наш нефтегазовый поток даже на пике мощности был неспособен обеспечить более чем 140-миллионный народ молочными реками в кисельных берегах. Да и воровство, как известно, пока еще наша традиционная болезнь: причастность к дармовым экспортным деньгам в России позволила сделать не одно миллиардное состояние. А остальным достались крошки с барского стола, но и те скоро закончатся.

Так куда же ты мчишься, русская тройка?

Мне кажется, что самая большая опасность для такой крупной страны, как Россия, — это подмена исторически предопределенного пути в Европу всякого рода муляжами, которые тешат тщеславие, но отрезают нам путь к экономическому и социальному благополучию. Вместо того чтобы выбрать ориентир и к нему последовательно двигаться, мы начинаем лихорадочно метаться, теряя драгоценное время и проедая остающиеся ресурсы.

А ведь путь в европейское пространство отнюдь не такой легкий, как кажется некоторым энтузиастам этого выбора. Там своих проблем хватает — и в экономике, и в политике, и в социальной сфере. Но почему-то даже в Греции, где пришли к власти ультралевые, сформированное ими правительство прекратило разговоры о выходе из еврозоны. Проблема теперь только в том, сколько Греции спишут и реструктуризируют долгов. Уверен, что после мучительных переговоров компромисс с кредиторами этой страны будет найден именно из-за того, что обе стороны — внутри европейского пространства, нахождение в котором уже стало выгоднее, чем пребывание вне его.

Нам, конечно, будет сложно втиснуться в это пространство — из-за размеров страны, ее имперского прошлого, накопившихся предрассудков и обид. Но, как известно, Россия способна к мобилизации в острых ситуациях, которые требуют концентрации и смекалки. Тут как раз такая ситуация. Давайте прекратим истерику, включим голову, оглянемся вокруг и начнем работать.

Бедная моя страна⁸¹

*Неимущий народ не может служить опорой
ни власти, ни государству*

В Советском Союзе бедности, как известно, не было. Так же как и безработицы, и секса. По крайней мере, об этом не сообщала официальная статистика. И лишь в мае 1991 года президент СССР М.С. Горбачев подписал указ «О минимальном потребительском бюджете». Указ фиксировал факт наличия в стране бедности, устанавливал порядок «усиления социальной защиты... наименее обеспеченных граждан». Правда, союзная статистика так и не успела посчитать их количество: через несколько месяцев страны не стало. Но оценки экспертов, к которым принадлежал и автор этих строк, говорили о цифре 25% в целом по СССР и соответственно 15–20% в тогдашней РСФСР.

Естественно, в новой России невозможно было применить критерии советской «черты бедности». Тем более что количество малообеспеченных людей в начале 1992 года исчислялось уже 60–70% от населения. Поэтому 2 марта 1992 года Борис Ельцин издает указ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации», где, обратим внимание, вводит «на период преодоления кризисного состояния экономики» прожиточный (физиологический) минимум. Устанавливался порог физиологического выживания, который, по тогдашним расчетам, был примерно в два раза ниже советского минимального потребительского бюджета (МПБ), что позволяло признавать официальный масштаб бедности в России на уровне трети населения.

Осенью того же 1992 года шокирующее определение «физиологический» было снято, но эвфемизм «прожиточный минимум», заменяющий понятие «черта бедности» остался и жив до сих пор. По последним официальным сведениям (а это III квартал 2014 года), эта черта проходила на уровне 8086 руб. в месяц, в том числе для трудоспособного человека — 8731 руб., пенсионера — 6656 руб. и ребенка — 7738 руб.⁸² В итоге бедными были чуть более 10% нашего населения.

У меня как человека, стоявшего у истоков формулирования и оценки российской черты бедности в начале 1990-х годов, где-то в 2005–2006 годах возник вопрос. Борис Николаевич ввел прожиточный минимум как чрезвычайную меру только на период кризисного развития экономики, а он к тому моменту закончился. Темпы роста ВВП зашкаливали, неуклонно росли зарплаты и пенсии. Так почему бы не вернуться к определению черты бедности как минимального потребительского бюджета? Конечно, численность малообеспеченных граждан резко, более чем в два раза, вырастет, но зато реальная картина социального неблагополучия станет понятной и с проблемой можно будет адресно поработать.

Однако этого сделано не было, и о реальных масштабах бедности в России — не менее 30% населения — догады-

вались только немногочисленные специалисты. И это при огромных деньгах (триллионы долларов!), которые получало наше государство от продажи нашего минерального сырья на мировых рынках. Косвенно об истинных масштабах бедности говорит уровень материального расслоения, который у нас (даже по официальным данным) никак не соответствует понятию развитой страны.

Есть такой показатель — коэффициент Джини. Он характеризует равномерность распределения доходов между членами общества. Так вот, по этому показателю Россия находится в одной группе с такими странами, как Кот-д'Ивуар, Сенегал, Бурунди, Кения. Лучше нас с социальным расслоением дело обстоит в Марокко, Турции, Иордании, не говоря уже о европейских странах. Конечно, уравниловка губительна, но роль эффективного государства как раз и заключается в том, чтобы, с одной стороны, не пережать с налогообложением богатых и бизнеса, а с другой — не допускать массовой бедности. В России государство с такой задачей очевидно не справляется. И что же мы имеем в итоге?

Прежде всего отметим, что у нас больше шансов пополнить список бедных у семей, в которых растут несовершеннолетние дети. С рождением каждого ребенка эта опасность резко повышается. Для семьи с двумя и более детьми, несмотря на введенные в последние годы меры по поддержке матерей, вероятность стать бедной превышает 40%. Это значит, что многим малышам очень трудно обеспечить адекватный их потребностям уровень жизни: полноценное питание, медицинское обслуживание. Я уже не говорю о жилищных условиях, которые являются неудовлетворительными у большей части молодых семей.

В результате у нас подрастают во многом ослабленные поколения дошкольников, а затем и школьников, с соответствующими последствиями для ожидающего их рынка труда, которому требуются образованные и здоровые люди.

В России у бедности есть и еще одна тревожная черта: значительная часть малообеспеченных семей не может

выбраться из этого унижительного положения не то что годами, но и десятилетиями. Опять же это крупная недоработка государства, которое обманывается низкими показателями доли населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума. А ведь застойная бедность приводит к деградации людей, убивает желание самостоятельного развития, порождает мощнейший патернализм и социальную пассивность.

Пишу об этом с чувством большой тревоги, потому что чрезмерная, воспроизводимая неэффективной государственной политикой бедность подрывает шансы России стать наконец-то благополучной страной. Есть и другие — социально-политические — последствия бедности.

Во-первых, она является благодатной почвой для манипулирования общественным сознанием. Малоподвижный в социальном смысле, ждущий милости от государства человек не склонен сопоставлять разные потоки информации. Для него это слишком сложная работа. Куда проще включить телевизор, откуда ему доставляют прямо в мозг препарированную информацию (а точнее, дезинформацию). Интернет? Да, среди бедных немало его пользователей. Но он, как показывают исследования, используется в данном случае преимущественно для общения в социальных сетях, скачивания игр, поиска информации о продаже товаров и услуг, а также захода на порнографические сайты.

Во-вторых, манипулирование общественным сознанием очень удобно для разовой мобилизации людей — например, для борьбы с «пятой колонной» или обеспечения выезда добровольцев в «Новороссию». Правда, тут бедный человек все равно ищет в таких эпизодах материальную выгоду. Например, с удовольствием получит за выход на срежиссированный властями митинг аж 300 руб. В противном случае искренность порыва отнюдь не гарантирована. Именно поэтому бедные люди не могут быть сплоченной и сознательно мотивированной группой поддержки власти.

Вспомним 1991 год. В марте на референдуме при почти 80-процентной явке 76,43% советских граждан (без всякого

административного давления и чуровского волшебства) ответили положительно на вопрос «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». И что же? Когда в декабре того же года ночью с Кремля был спущен советский флаг и водружен российский триколор, ни один (!) человек не вышел на Красную площадь с требованием сохранить СССР. Люди легли спать в одной стране, а проснулись в другой — и никакой реакции.

В-третьих, массовая бедность не дает возможности проводить столь желаемые «структурные реформы». Все последние годы рынок труда складывался таким образом, что наилучшие с точки зрения зарплаты и стабильности рабочие места сконцентрировались в очень узких сферах: добыче и экспорте природных ресурсов, финансовом секторе, госаппарате, в верхушке крупного бизнеса. Попасть туда без протекции по силам далеко не каждому. Вот и остается колупаться за мизерную зарплату в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве, бюджетном секторе, малом бизнесе (который, как известно, еще и «кошмарят») — без всяких шансов на лучшую профессиональную долю.

Поэтому в стране идет масштабная деградация людей, у многих из которых есть дипломы о высшем образовании. И если когда-нибудь наступят времена, когда инвестор соизволит вернуться в российскую экономику, то он с удивлением обнаружит, что работать с нужным прилежанием и качеством, оказывается, некому. Хотя в России проживают более 140 миллионов человек!

Спасти страну от вылета в «низшую лигу» можно, только если будет прекращена промывка мозгов, наш государственный бюджет начнет вытаскивать образование и здравоохранение, и мы вернемся в цивилизованное русло развития.

И еще. Как никогда большая ответственность ложится на тех, кто относит себя к неравнодушной интеллектуаль-

ной элите. Их не так мало. Они не должны молчать, если у них есть дельные мысли, и использовать любые возможности объяснять, что в реальности происходит со страной, предлагать альтернативы.

Как Россия может выбрать Европу⁸³

Часть экспертного сообщества сейчас начинает вовлекаться в обсуждение основных положений «Стратегии-2030». Дело, казалось бы, привычное: в 2000 году была презентована «программа Грефа», в 2011-м — «Стратегия-2020». Вот только эти документы, разработанные лучшими профессионалами страны, почему-то так и остались ворохом бумаг. Жизнь в России пошла совершенно другим путем: вместо модернизации страны происходит архаизация, вместо диверсификации экономики — ее еще большая примитивизация, вместо развития человека — его деградация как гражданина и работника.

В чем же причина такого фиаско?

Вспомним начало 1990-х. До сих пор у всех на слуху гайдаровские реформы, оценка результативности которых вызывает ожесточенные споры. Но почему-то никто не оценивает эффективность политических преобразований, которые можно обобщенно назвать десоветизацией. Тогдашнее руководство страны очень сильно недоработало прежде всего по двум пунктам: государственное управление и образование.

Несмотря на появление демократически избранного Верховного совета (а затем и первых составов Государственной думы), роль исполнительной власти и президента еще до эпохи Владимира Путина оказалась гипертрофированно высокой. Например, вряд ли было бы возможным в условиях настоящей демократии провести залоговые аукционы или допустить дефолт августа 1998 года.

Поэтому, думаю, в гипотетической «Стратегии-2030» нужно решать задачи окончания дрящегося уже почти 25 лет переходного периода от советского строя к... К чему?

Если в 1992 году для реформаторов во главе с президентом Ельциным было понятно, что цель развития России — полноценное включение ее в цивилизационное пространство от США и Канады через Европу и до Японии и Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии, то сейчас официальная позиция и вытекающая из нее конкретная политика прямо поменяла ориентиры. Пропаганда вдалбливает в умы россиян, что все американо-европейское — это противоположность нашим так называемым традиционным ценностям.

Но если не Европа с ее ценностями демократии, рыночной (социальной рыночной) экономики и прав человека, то что тогда может быть предложено в «Стратегии-2030» в качестве институциональной цели, к которой надо стремиться? Даже Китай, на неевропейскость которого у нас любят ссылаться, на самом деле медленно, но верно продвигается в сторону Европы. Конечно, ему понадобится, видимо, еще не одно десятилетие, чтобы институционально выйти на уровень Южной Кореи, но после начала реформ Дэн Сяопина прошло не так много времени, а сколько уже сделано!

Признание цивилизационного выбора базисом для «Стратегии-2030» тут же предопределяет основные сферы, которые этим документом должны быть охвачены.

Демократия. Здесь у нас накопилась за 25 лет «переходного периода» масса проблем, которые требуют разрешения.

Из них первой — определение адекватной роли государства в жизни России. Всякого рода эвфемизмы типа «административная реформа» или «реформа государственного управления» могут быть приемлемыми, если под ними понимаются не только чисто технологические решения (внедрение лучших корпоративных практик, формирование прозрачных баз данных, сокращение численности чиновников и т.п.). На самом деле речь идет о восстановлении никем еще не опровергнутого с точки зрения институ-

циональной эффективности разделения властей как «по горизонтали», так и «по вертикали».

И если восстановление конкурентных, не манипулируемых выборов на всех уровнях, отделение исполнительной власти от власти законодательной — дело очевидное, то децентрализация, передача полномочий (вместе с источниками доходов) муниципалитетам — процесс не мгновенный, требующий специальной программы в рамках «Стратегии-2030».

В разделе о демократии я отдельно остановился бы на роли и месте СМИ, в том числе государственных. Без отказа от пропаганды как средства общения с населением и предоставления гражданам возможности услышать разные позиции о любых вопросах жизни страны никакой работоспособной «Стратегии-2030» не будет. Тут, кстати, я хотел бы зацепиться за слова вице-премьера Аркадия Дворковича, сказанные им на недавнем Красноярском экономическом форуме: «Стратегия-2030» должна быть не каким-то правительственным документом, а документом общества. То есть она должна пройти именно широкое общественное обсуждение». Очень правильная мысль, но удастся ли ее воплотить в жизнь без институциональных изменений в медиасфере?

На том же форуме от официальных лиц прозвучали и слова о необходимости судебной реформы, а также установления для силовых структур адекватного места в системе общественных отношений. И это правильная мысль, которая должна быть подкреплена фундаментальными (с точки зрения европейского выбора) предложениями. Создание совместной рабочей группы администрации президента и бизнес-объединений, которая должна заняться взаимодействием силовиков и предпринимателей, конечно, шаг сам по себе неплохой, но явно недостаточный для назревших институциональных изменений в этой сфере.

Экономика. Тут важнейший пункт — эффективность госкорпораций и роль государства в экономике. Надо

освободить экономику от архаичной системы доминирования госсобственности там, где лучше себя показало частное предпринимательство. Необходимы решительная приватизация и реальная поддержка малого и среднего бизнеса (например, полное освобождение от налогообложения до определенной суммы оборота, минимизация — вплоть до полной отмены — разнообразных проверок и т. п.).

Очевидно, что необходим предлагавшийся еще в «Стратегии-2020» бюджетный маневр: пересмотр военных расходов, направление высвобожденных средств на поддержку образования и здравоохранения. А заодно, добавлю от себя, на науку и культуру.

Права человека. Тут речь должна идти прежде всего об обеспечении защищенности человека от попыток государства вторгнуться в его личное пространство. В развитых странах идет активная дискуссия о том, как совместить неприкосновенность частной жизни с необходимостью обеспечения общественной безопасности. Мы тоже должны дать ответ на этот непростой вопрос.

И наконец, с чего начать реализацию «Стратегии-2030»? Здесь я бы выделил два важнейших пункта.

Новая внешняя политика. В условиях нынешней практически холодной войны между Россией и совокупным Западом ни о каком движении по пути европейского выбора и речи быть не может. Надо срочно завершать российско-украинский кризис, начав хотя бы с возвращения Украине ее юго-востока. Требуется нормализация отношений с НАТО, отмена законов о «нежелательных» неправительственных организациях и «иностранных агентах», прекращение антиамериканской и антизападной пропаганды в государственных и околосударственных СМИ. Понятно, что все это потребует интенсивных переговоров и взаимных компромиссов, которые вполне возможны при наличии доброй воли, а не нынешней демонстративной враждебности.

Дискуссия. Чтобы «Стратегия-2030» стала действительно «документом общества», необходимо организовать неимитационное обсуждение ее основных положений. У нас ведь привыкли ограничиваться вывешиванием проекта на каком-нибудь сайте, с тем чтобы потом объявить о прошедшем обсуждении, хотя практически все принципиальные замечания проигнорированы. Нужно, как упоминалось выше, вернуть СМИ их разнообразие, вывести на федеральные телеканалы не только привластных, но и законопослушных оппозиционных политиков. И наконец, обеспечить высокопрофессиональный уровень экспертной дискуссии по всем перечисленным ключевым вопросам на специально организованных публичных площадках под эгидой президента и правительства с обязательным участием в их работе первых лиц государства.

При взгляде на нынешнюю российскую действительность эта программа действий кажется утопичной. Скорее всего, это так. Но тогда ничто не способно остановить деградацию, а углубляющийся системный кризис никак не позволит России сойти с обочины миропорядка XXI века.

**Россия и ускользающая цивилизация:
Запад ждут тектонические сдвиги⁸⁴**

***Европейские страны стоят на пороге
глобальных изменений в обществе***

Развитые страны (совокупный Запад) сейчас стоят на пороге кардинальных перемен во всех сферах общественной жизни. Сейчас это выглядит как накопление проблем, создающих в очередной раз иллюзию «заката Европы». Но базовые ценности, ставшие культурным кодом западного мира — демократия, рыночная экономика и права человека — там подвергают сомнению только узкие группы маргиналов.

В настоящее время мы видим не кризис этих ценностей, а мучительный поиск новых форм их реализации. Так как

изменится западное общество в ближайшее время? И коснутся ли эти изменения России?

Надо отметить, что глобальные социальные изменения отслеживаются и в ходе экспертной дискуссии (например, в рамках Всемирного экономического форума в Давосе).

Российские эксперты практически в этой дискуссии не участвуют по нескольким причинам:

— отторжение западными экспертными кругами нашего участия из-за крайне негативного образа России (чуть ли не тоталитарная страна, где свобода слова и критика в адрес власти подавляются). Есть факты немотивированного отказа в публикациях в престижных научных журналах, отказа от приглашений на симпозиумы и конференции;

— часть российских экспертов, выезжая за границу, повторяет штампы нашей пропаганды, что отпугивает их западных коллег и препятствует дальнейшим контактам;

— отсутствие адекватного российского финансирования поездок и в целом равноправного экспертного сотрудничества с Западом.

Все это приводит к нарастанию фактической изоляции российского экспертного сообщества от наиболее продвинутого мирового дискуссионного поля. Тем самым любые, даже самые смелые попытки реформирования России в европейском направлении имеют большие риски достижения целей. Это уже происходит.

Президент Сбербанка Герман Греф на Гайдаровском форуме в январе 2016 года заявил, например: «Мы очень сильно гордились своей программой централизации IT-систем, тем, как мы серьезно продвинулись за последние годы, инвестировали колоссальные деньги. Это был самый крупный и быстрый проект централизации IT-инфраструктуры в мире. Но как только мы построили наш супер-data-центр, все закончили, мы пришли к выводу, что абсолютно неконкурентоспособны».

Какие же сферы подвергнутся тектоническим сдвигам на Западе в ближайшие годы?

1. Занятость и образование

Очередная технологическая революция (роботизация, «Интернет вещей» и т.п.) приведет к высвобождению людей из сферы так называемой реальной экономики (промышленность, транспорт, сельское хозяйство). Зато будет быстро расширяться сектор занятости по удовлетворению социальных потребностей разных слоев населения:

— пожилых (патронат, организация досуга, персонифицированная медицина, образование), тем более что происходит старение населения;

— инвалидов и вообще людей с отклонениями в состоянии физического и психического здоровья. Их число тоже растет;

— детей (персонифицированное дошкольное и школьное обучение, переход от «учителя» к «тьютору»), отказ от классно-урочной системы с переходом на игровые и интерактивные методы, организация внешкольного досуга, контроль за состоянием здоровья);

— студентов (переход к фактически всеобщему бесплатному высшему образованию на уровне бакалавров, снижение традиционной учебной нагрузки на преподавателя с одновременным ее замещением исследовательской деятельностью вместе со студентами).

Добавим к этому:

— переход ко всеобщему непрерывному образованию (adult education);

— бурный рост занятости в сфере любительской культуры (предоставление услуг по занятию живописью, музыкой, физической культурой, самыми разнообразными хобби);

— профессиональную помощь в налаживании коммуникаций между людьми по любым поводам;

— изменение понятия «рабочее время»: от фиксированного 7–8-часового присутствия на рабочем месте к гибкой,

во многих случаях дистанционной, занятости без жестких нормативов времени труда и отдыха.

2. Охрана здоровья и здравоохранение

Быстрое развитие технологий персонифицированного онлайн-контроля за состоянием здоровья позволит:

— довести среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении до 90 и более лет. При этом граница здоровой жизни, до которой не требуется массивного участия системы здравоохранения, также будет сдвигаться вверх. Это приведет, безусловно, к массовой занятости людей в возрасте 70 лет и старше (в том числе благодаря adult education), а также к изменениям в пенсионной системе (см. ниже);

— снизить расходы на собственно лечение заболеваний. С одной стороны, эти расходы (в расчете на один случай) могут возрасти из-за все большей фондоемкости поликлиник и больниц. Но с другой стороны, скорее всего, итоговые расходы в абсолютном размере будут снижаться из-за эффективности и повсеместного распространения дешевых способов контроля за здоровьем здоровых.

Выбор модели охраны здоровья, включающей здравоохранение, в каждой конкретной стране будет обусловлен скорее традициями, типом общественного договора, чем чисто фискальными обстоятельствами.

3. Пенсии

Скорее всего, произойдет, как и в других сферах социальной жизни, персонификация условий пенсионного обеспечения:

— расширение добровольного накопительного процесса через всевозможные финансовые институты, с тем чтобы преобладающая часть пенсии формировалась за счет этих средств;

— сфера ответственности государства будет сведена к

обеспечению «минимально гарантированного дохода» (см. следующий пункт);

— пенсионный возраст как уравнивающая категория исчезнет, и каждый человек будет самостоятельно решать, когда ему начинать использовать свои пенсионные накопления;

— проблема обеспечения жизни в старости будет решаться не только зарабатыванием пенсии, но и умножением семейной недвижимости, получением дохода от владения долями в бизнесе и накоплением других активов.

Очевидно, что потребуется длительный переходный период от нынешнего устройства пенсионной системы к той, которая описана выше. Поэтому новые принципы необходимо в полном объеме предлагать уже молодым поколениям, только-только выходящим на рынок труда.

4. Социальная защита

В ряде развитых стран (например, в Швейцарии, Финляндии), как упомянуто выше, уже идет практическая подготовка к введению «минимально гарантированного дохода» всем жителям страны, независимо от их занятости и социального положения. Единственная дифференциация предусмотрена для взрослых и детей. В городе Утрехте (Нидерланды) такой эксперимент начался с 1 января 2016 года. При этом должна быть ликвидирована система социальных льгот. За государством останутся те расходы на образование и здравоохранение, объем и форма предоставления которых будет определяться через механизмы общественного договора.

5. Идентичность

Высвобождение людей из области физического выживания и индустриального малоквалифицированного труда обостряет проблему личностной и общественной идентичности.

С одной стороны, глобализация никуда не исчезает (интеграционные процессы, Интернет, развитие транспорта, в целом существующая прозрачность границ, общие стандарты устройства повседневной жизни и т.п.), а с другой стороны, люди хотят сохранить семейные, этнические, региональные корни. Пример поиска такого баланса — Япония. В ряде западных стран такой баланс все еще ищется (Великобритания, Испания, Канада, Бельгия, Италия). Отсюда — попытки сепаратизма, скептицизм по отношению к евроинтеграции.

Отдельная тема в этой сфере — миграция. Последние события в Европе показали, что мультикультурализм все-таки не годится. Нужно переходить к интенсивным программам интеграции мигрантов (особенно с неевропейской идентичностью) в жизнь принимающей стороны. Тут тоже важно найти баланс между принуждением к ассимиляции и правом на сохранение своей этнической и культурной идентичности.

6. Местное самоуправление и гражданское общество

Изменение характера занятости, повышение качества человеческого капитала создадут совершенно новые возможности для общественно-политической активности людей.

Можно ожидать еще большей децентрализации институтов власти, передачи многих государственных полномочий в гражданский сектор (НКО, организации предпринимателей, другие саморегулируемые организации и т.п.). Это будет существенно ограничивать полномочия центральных властей, что может столкнуться, например в Евросоюзе, с тенденцией к проведению унифицированной социально-экономической политики на всем его пространстве.

Судя по всему, новая роль будет у референдумов и других форм прямой демократии с использованием IT-техно-

логий и прозрачности деятельности государства («открытость информации»).

7. Критерии общественного прогресса

Как известно, несколько лет назад два нобелевских лауреата, Джозеф Стиглиц и Амартия Сен, подготовили доклад тогдашнему президенту Франции Саркози, в котором, если сформулировать очень коротко, написали: для оценки степени общественного прогресса имеет значение не ВВП, а комфортность жизни людей.

Конечно, этот вывод относился только к развитым странам, которые достигли такого уровня благосостояния, который позволяет подавляющему большинству граждан не бороться за каждодневное выживание. Пример Японии: 20 лет без экономического роста не привели ни к какому системному кризису. Такое положение, как говорят уже некоторые западные эксперты, является «новой нормальностью». Просто накопленный потенциал ВВП можно использовать намного эффективнее с точки зрения общественного интереса.

На Западе получила развитие целая отрасль экономической науки, которая занимается «счастьем» (вспомним, например, недавно переведенную на русский язык книгу Ричарда Лейарда «Счастье. Уроки новой науки»).

Сейчас входит в оборот понятие human security, которое включает в себе концепцию прав человека. Речь идет об обеспечении права каждого человека на достойную жизнь.

8. Изменение отношения к невозобновляемым природным ресурсам

Кроме простого снижения цен на нефть и газ в развитых странах начинают становиться очевидными тенденции по изменению поведения людей и общества в целом по отношению к возобновляемым природным ресурсам. Постепенный

переход на ветровую, солнечную и подобного типа электроэнергетику — это уже не прихоть «зеленых», а устойчивая политика очень многих государств (например, Германии, Скандинавских стран). Культурным кодом становится энергосбережение в быту.

В ряде стран уже приняты решения о том, что все новые здания (по крайней мере офисные) должны самообеспечиваться энергией, в частности при помощи солнечных батарей. В Швеции и ряде других стран через несколько лет будет запрещена продажа автомобилей с бензиновыми двигателями. Их заменят электромобили и другие подобные механизмы.

Быстро развивается совместное пользование вещами. Можно привести в качестве примера car-sharing (кстати, появившийся и в Москве). Вместо владения личным автомобилем можно пользоваться разьездным экономичным автомобилем бронируя его в Интернете на определенное время и в определенном месте. Специальное приложение позволяет оптимизировать перемещение этих автомобилей по городу. Тем самым резко возрастает эффективность использования ресурсов, затраченных на создание этого автомобиля (как известно, личная машина простаивает чуть ли не 90% времени). И как результат, снижается потребность в извлечении и использовании невозобновляемых природных ресурсов (металла, нефти, газа и др.).

Такое изменение в поведении отдельных людей и целых сообществ в корне меняет структуру экономики и занятости.

9. Система международной безопасности

После окончания холодной войны дуполярность мира исчезла и наступил короткий период «конца истории» по-американски. Однако затем возник и укрепился Евросоюз, быстро поднимается Китай. Россия после упадка 1990-х в нулевые стала намного более значимой силой, опираясь на

«принесенные ветром» триллионные доходы от экспорта нефти и газа. Это внесло в систему международных отношений значительные элементы многополярности.

Кроме того, в нулевые годы резко обострилась и продолжает обостряться проблема международного терроризма, во многом благодаря этому появляются новые так называемые несостоявшиеся государства (failed-states).

Внешнеполитические действия России, особенно по отношению к Украине, существенно усложнили глобальный спектр проблем мирового порядка.

В этих условиях Запад сейчас ищет формат собственной консолидации (с привлечением всевозможных союзников в Восточной Европе, Азии, Африке, Латинской Америке) против «сорвавшейся с якоря» России, а также Китая и международного терроризма. Поэтому укрепляется военный компонент НАТО и расширяется территориальное присутствие его сил. В этом же ряду начавшаяся смена антиамериканских режимов в ведущих странах Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Куба), борьба за европейское будущее Украины и Молдовы.

Несмотря на участие в Евразийском экономическом союзе, Казахстан, Беларусь и Кыргызстан оставляют для себя широкие возможности для смены своей геополитической ориентации. К этому их подталкивает и долгоиграющий российский экономический кризис.

Таким образом, у России сегодня с точки зрения внешней политики крайне сложное положение: серьезно ослабев экономически (и эта тенденция будет сохраняться по крайней мере в среднесрочной перспективе), отставая технологически, претендуя на некий «особый путь», она, несмотря на усиление своих позиций в нулевые годы, фактически оказалась внесистемным игроком с очень ограниченными возможностями. Ссылки на обладание мощным ядерным потенциалом лишь подчеркивают слабость нынешнего геополитического положения России — ведь в мире сейчас ценится прежде всего soft power.

Но очевидно и то, что Запад не может построить сбалансированную систему международных отношений без участия России — хотя бы из-за размеров страны и упомянутого ядерного потенциала.

Поэтому обе стороны (Запад и Россия) обречены на диалог и взаимные уступки.

Приведенные выше только некоторые основные моменты внутриевропейской дискуссии интересны и в России, чтобы при открывшемся окне возможностей выстроить адекватные цели и сформировать под них пусть и сложные и «длинные», но «дорожные карты» с конкретными взаимовязанными реформами.

Что мы, в России, можем получить в итоге?

а) Восстановление экспертных и человеческих контактов между Россией и Западом.

б) Аналитические записки и доклады, которые российские эксперты готовят, используя европейские наработки в преломлении к конкретным российским реформам.

в) Совместные с западными коллегами доклады и разработки, которые имеют концептуальное, общеевропейское значение, в том числе и для будущего России.

Когда будет налажен такой диалог? На данный момент неизвестно...

Где взять идентичность⁸⁵

Главная проблема, угрожающая будущему России, — отсутствие ясной и понятной идентичности. После распада СССР многие его части такую идентичность быстро нашли. Возьмите, например, прибалтийские общества — они вернулись ровно в 1940 год и, несмотря на огромные социальные и экономические издержки этого транзита, никак не ставят под сомнение свой исторический выбор в пользу Европы. Или возьмем Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан. Эти страны фактически вернулись на пару сотен лет назад, к временам ханов и эмиров. Опасность

такому цивилизационному позиционированию могут составить разве что еще более архаичные (с европейской точки зрения) общественные устройства, построенные на принципах исламского фундаментализма.

Россия такую работу не проделала по вполне объективным причинам. Просто-напросто нам возвращаться некуда. В дореволюционную (до 1917 года) эпоху? Но страна безвозвратно изменилась, хотя бы из-за исчезновения двух тогдашних несущих опор — крестьянства и аристократии. Да и дух самодержавия, несмотря на нынешние реалии якобы «вертикали власти», все-таки выветрился из общественного сознания. Вместо «традиционных ценностей» и «духовных скреп» все большее распространение получают цинизм и элементарная мимикрия, как на бытовом, так и на политическом уровне.

Может быть, надо вернуться в Советский Союз, который многие помнят, и некоторые даже с ностальгией? Но ведь та идеология, которая создала его в 1922 году, рухнула еще при жизни генеральных секретарей ЦК КПСС, что и привело к одномоментному исчезновению всей сверхдержавы. Ностальгия по тем временам носит скорее протестный характер по отношению к нынешним временам, полным социальной и всякой прочей вопиющей несправедливости.

Можно ли вернуться в Европу, о которой так страстно мечтали реформаторы начала 1990-х? Но ведь мы там так и не побывали? На тамошние порядки наш народ посмотрел в основном по телевизору или из турецко-египетского далека. Даже просто побывать в Западной Европе, а тем более пожить в ней удалось очень немногим. Приезжающие же к нам оттуда люди, как и 400 лет назад, «немцы», потому что они говорят на незнакомом нам языке и ведут себя не «по-нашему».

Поэтому перед Россией, судя по всему, стоит тяжелейшая задача: сформировать видение собственного желаемого будущего.

Можно, конечно, как это было в 1990-е годы, высочайшим повелением создать очередную рабочую группу, которая, запершись на государственной даче, будет придумывать для общества идеологию, «скрепы» и всякую прочую общероссийскую идентичность. Но такой подход заведомо обречен на провал, так как ничто, навязанное людям извне, не выдерживает экзамена на создание настоящего двигателя прогресса. В новой и новейшей российской истории такое случалось неоднократно:

— в феврале 1917 года монархисты, несмотря на более чем 300-летнее существование династии Романовых, оказались очевидными маргиналами. Даже некоторые великие князья искренне приняли сторону республики;

— всего лишь через три года после смерти Сталина Хрущев на XX съезде огласил свой знаменитый доклад, и реакцией на него было лишь небольшое открытое недовольство в Грузии;

— про абсолютно спокойную реакцию общества на развал СССР я уже упоминал;

— демократическая риторика 1990-х, казалось бы, овладевшая умами масс, из мейнстрима без всяких потрясений стала маргинальной.

Этот ряд легко продолжить грядущей рано или поздно судьбой «особого пути», который нам сегодня пытается навязать государственная пропаганда.

Чтобы покончить с этой исторической традицией, нужно попытаться сформировать принципиально другую процедуру конструирования будущего.

Исходным ее элементом должно быть официальное признание концептуального тупика, в который попала современная Россия. Затем необходимо прекращение государственной пропаганды, возвращение СМИ их разнообразной природы. Это создаст хорошую основу для начала общенациональной дискуссии, для модерирования которой президент может создать специальный орган, состоящий из ведущих интеллектуалов России, придерживающихся

самых разных взглядов. Они должны сформулировать несколько вариантов желаемой российской идентичности, которые, в свою очередь, будут предъявлены общественному вниманию через публичные дискуссии в СМИ.

А потом можно выходить и на досрочные выборы Государственной думы. Нынешний ее созыв, сформированный в сентябре 2016 года, очевидно, будет непригоден для реализации судьбоносной для России задачи — выбора ее будущего пути. И, наконец, процесс завершается появлением нового правительства, перед которым стоят вполне определенные исполнительские задачи.

Реален ли такой или подобный сценарий? Скорее всего, нет. Но российская история дает нам повод сказать: никогда не говори никогда.

Примечания

- 1 http://vivovoco.astronet.ru/VV/NO_COMM/DEMOGOV.HTM
- 2 <http://dis.ru/library/detail.php?ID=22241>
- 3 Там же.
- 4 <http://ecsocman.hse.ru/data/566/943/1231/001IEWADA.pdf>
- 5 http://base.garant.ru/2566557/1/#block_1000
- 6 http://www.be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_latvia.html#main
- 7 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.doc
- 8 <https://otvet.mail.ru/question/80275086>
- 9 http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_44/IssWWW.exe/Stg/d010/i010680r.htm
- 10 http://www.gks.ru/bgd/regl/B03_44/IssWWW.exe/Stg/d010/i010600r.htm
- 11 <https://www.calc.ru/dinamika-Brent.html?date=1998>
- 12 <https://www.calc.ru/dinamika-Brent.html?date=1999>
- 13 <https://www.calc.ru/dinamika-Brent.html?date=2008>
- 14 http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_13/IssWWW.exe/Stg/html1/06-05.htm
- 15 <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBinet.cgi?pl=2340004>
- 16 http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_44/IssWWW.exe/Stg/d1/05-02.htm;
http://www.gks.ru/bgd/regl/b05_44/IssWWW.exe/Stg/05-02.htm
- 17 <http://www.kommersant.ru/doc/147660>
- 18 <http://aillarionov.livejournal.com/452863.html>

- 19 http://www.gks.ru/bgd/regl/b02_51/IssWWW.exe/Stg/d010/i010050r.htm
- 20 http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_51/IssWWW.exe/Stg/02-01.htm
- 21 <http://www.forbes.ru/column/50952-reformy-i-kontreformy>
- 22 http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_36/IssWWW.exe/Stg/d2/08-12.htm
- 23 <http://polit.ru/article/2007/09/04/middleclass/>
- 24 <http://www.ranepa.ru/images/News/2015-12/statya-srednie-klassy.pdf>
- 25 <https://finance.rambler.ru/news/gks/61689682.html>
- 26 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm
- 27 <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413>
- 28 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab1.htm
- 29 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm
- 30 <https://www.calc.ru/dinamika-Brent.html?date=2008>
- 31 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/kv/tab8.htm
- 32 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm
- 33 http://informatio.ru/news/pensiya/kak_prokhozila_indeksatsiya_pensiy_v_2009_i_2010_godu/
- 34 Там же.
- 35 https://ru.wikipedia.org/wiki/Резервный_фонд_Российской_Федерации
- 36 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm
- 37 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm
- 38 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm
- 39 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm
- 40 http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/info/oper-12-2015.pdf
- 41 <http://www.finmarket.ru/news/4358467>
- 42 http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21297?sphrase_id=695856
- 43 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260>

- 44 http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
- 45 http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/IssWWW.exe/Stg/d07/3-2.doc
- 46 http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#
- 47 <https://www.gazeta.ru/business/2015/11/16/7895693.shtml>
- 48 <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>
- 49 См., например, книгу Ю.А. Крашенинниковой «Неформальное здравоохранение. Социографические очерки», выпущенную фондом «Хамовники» (<http://khamovniki.ru/news/vyshla-novaya-kniga.html>)
- 50 <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2016-09-30/33009.html>
- 51 http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
- 52 http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf
- 53 <http://soc-factor.ru/archives/3025>; <http://pensia-expert.ru/trudovye-pensii/pensiya-v-2015-godu/individualnyj-pensionnyj-koefficient/>
- 54 <https://rg.ru/2016/01/12/inflyaciya-site.html>
- 55 http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii
- 56 <http://www.novayagazeta-vlad.ru/2014/12/22/414/natalya-zubarevich-chetyre-rossii-otmenyayutsya.html>
- 57 Там же.
- 58 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm
- 59 https://www.hse.ru/data/2015/05/19/1097215048/2015_3q_SocialSpending_fin_z.pdf
- 60 http://pikabu.ru/story/v_2017_godu_raskhodyi_na_zdravookhranenie_planiruyut_sokratit_na_33_4544461
- 61 См., например, ситуацию по Московской области (<http://rusposobie.ru/novosti-i-izmeneniya/otmena-igot-veteranam-truda.html>), где это удалось. А вот в Краснодарском крае подобного рода действия спровоцировали открытую протестную реакцию: люди вышли на

- улицы и власти дали обратный ход (<http://bloknot-krasnodar.ru/news/protest-po-krasnodarski-pensionery-gotovy-snova-vy-690778>).
- 62 <http://www.levada.ru/>
- 63 http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51g.doc
- 64 <http://ura.ru/news/1052256611?from=mn>
- 65 <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/10/20/661689-20-let-stagnatsii>
- 66 <http://lib.ru/INOFANT/UELS/russia.txt>
- 67 <https://www.facebook.com/auditgov/photos/a.313084188894069.1073741828.239435689592253/558572084345277/?type=3&theater>
- 68 <http://www.rosbalt.ru/piter/2016/10/31/1563492.html>
- 69 <https://komitetgi.ru/news/news/1963/>
- 70 <http://basetop.ru/rejting-stran-mira-po-urovnyu-zdravoohraneniya-2016/>
- 71 Девиантность — социологический термин, который определяет поведение человека, отклоняющегося от общепринятых социальных стандартов. Данный термин можно описать как неисполнение социальных норм (<http://psychologyc.ru/deviantnost/>).
- 72 Совокупность окружающих человека предметов, в которых присутствуют электронные устройства, взаимодействующие автономно и формирующие глобальную Сеть.
- 73 http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf
- 74 Big Data — дословно: большие массивы, объемы данных.
- 75 Block chain — метод распределенной записи публичных данных (сделки, соглашения, транзакции и т. п.).
- 76 Опубликовано в газете «Московский комсомолец» 24 мая 2014 года.
- 77 Опубликовано 30 июня 2014 года в газете «Московский комсомолец».
- 78 Опубликовано в газете «Московский комсомолец» 12 января 2015 года.
- 79 Опубликовано в газете «Московский комсомолец» 1 февраля 2015 года.

- 80 Опубликовано в газете «Московский комсомолец» 9 февраля 2015 года.
- 81 Опубликовано в газете «Московский комсомолец» 16 марта 2015 года.
- 82 Прожиточный минимум в III квартале 2016 года: трудоспособное население — 10 678 руб., пенсионеры — 8136 руб., дети — 9668 руб.
- 83 Опубликовано в газете «Ведомости» 28 февраля 2016 года.
- 84 Опубликовано в газете «Московский комсомолец» 24 мая 2016 года.
- 85 Опубликовано в газете «Ведомости» 27 июня 2016 года.

Евгений Гонтмахер

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ:
ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 00.05.2017. Формат издания 60x84/16.
Печ. л. 7,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Школа гражданского просвещения
107031 Москва, ул. Петровка, д. 17, стр.1
<http://www.civiceducation.ru>